

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САРДИСА

Отчёт 8

ДОМАШНИЙ БЫТ ОБЫЧНЫХ ЛИДИЙЦЕВ

Лидийские раскопки Дома Бронзы и Утёса Пактола в Сардисе

ЧАСТЬ I: ТЕКСТ

Andrew Ramage

Nancy Ramage

R. Gül Gürtekin-Demir

Перевод с дополнениями прот. Аркадия Петровцева

С-Петербург

2024

Домашний быт обычных лидийцев. Лидийские раскопки Дома Бронзы и склона Пактола в Сардисе. Andrew Ramage, Nancy Ramage, R. Gül Gürtekin-Demir. Распространяется Издательством Гарвардского университета. Отпечатано в Турции, 2021. ISBN 9780674248533

Эта публикация о двух основных секторах лидийских раскопок в Сардисе является первой подробной презентацией керамики и других артефактов, найденной в домах жителей этого легендарного города. Она свидетельствует о непрерывности поселений за пределами городских стен с конца бронзового века до середины VI века до Р. Х., когда персы под предводительством Кира Великого захватили столицу царя Креза. Авторы описывают множество небольших строений и множество предметов, которые в совокупности документируют жизнь простых лидийцев.

Поскольку Сардис поддерживал культурные и экономические контакты со всем восточным Средиземноморьем, лидийская керамика и другие предметы, а также остатки народной архитектуры, описанные здесь, будут представлять большой интерес для учёных, работающих в Греции, Анатолии и на ближнем Востоке, а также для других читателей, интересующихся древним миром. В двухтомном труде рассматриваются хронология, история и свидетельства повседневной жизни, а также каталоги почти восьмиста объектов, которые иллюстрируются более чем тремя сотнями цветных фотографий и рисунков.

Справа **Эндрю Реймидж** – заслуженный профессор Корнелльского университета, Итака, Нью-Йорк, 14850, США. История искусства и визуальных исследований, Корнелльский институт археологии и материаловедения, Гарвардско-Корнелльская экспедиция в Сардис.

Слева **Нэнси Реймидж** – почётный профессор гуманитарных наук и искусств Итакского колледжа.

По центру **Р. Гюль Гюртекин-Демир** – профессор Эгейского университета классической археологии, Измир, Турция.

Дань памяти Густаву Ф. Свифту младшему

Густав Ф. Свифт младший совещается с начальником участка Мехметом Явузом в НоВ'е, 1970

Оглавление

Предисловие автора 6
Введение 10
Хронология 16
Глава 1. Лидийская керамика 17
Формы [лидийской керамики] 18
Кратéр, лéбес и подставка для горшков 22
Кувшин/ойнохóэ 24
Гидри́я и амфора 25
Пиксúс 27
Блюдо на ножке 27
Чаша и скúфос 28
Поилка для младенцев 30
Лúдион 31
Мезомфалúческая чаша 32
Лампа 33
Подставка для очага 34
Горшок для приготовления пищи 34
Хлебница 35
Пúфос 36
Ремонт и повторное использование лидийской керамики 39
Материалы для посуды 40
Грубые изделия 42
Посуда для приготовления пищи 42
Хлебница 42

Пифос 43
Столовая посуда 43
Монохромная керамика 43
Серая посуда, а также посуда цвета кожи буйвола 43
Изделия с золотистой пылью 45
Расписная керамика 46
[Оформление] чёрным по красному 48
Коричневые (или чёрные) [орнаменты] на [изделиях цвета кожи] буйвола 56
Бихромная [керамика] 57
Лидийский ориентализирующий стиль 59
Ефесская посуда и «Фригианизация». 62
Полосатая, окаймлённая и мраморная [посуда] 64
Часть I. Лидийские раскопки – Сектор HoB 67
Глава 2. Введение 67
Физическое описание объекта 71
Топография Сардиса 74
Ход раскопок в секторе HoB 76
Аллювиальные отложения и стратиграфия 82
Стратиграфическое и хронологическое обобщение 90
Описание основных уровней поселений 91
Краткое содержание 103

Предисловие автора

В этой книге рассматриваются стратиграфия и предметы из двух районов древнего Сардиса, где были найдены лидийские материалы. Первый район – «Лидийские раскопки Дома Бронзы», так называемый из-за бронзовых сосудов, найденных в позднеримском доме к северу от сектора, о котором идёт речь в первой части [книги]. Представленные здесь материалы относятся к лидийскому периоду, предшествовавшему римскому дому, и некоторым из них более тысячи лет. Второй сектор, рассмотренный во второй части, называется «Утёс Пактола», что описывает его расположение на обрывистом берегу реки Пактола.

Ответственность за публикацию отчёта о раскопках в секторе, обозначенном как НоВ ("House of Bronzes", т. е. «Дом Бронзы») легла на Эндрю Реймиджа после смерти Густава Ф. Свифта младшего, главного раскопщика, проводившего раскопки в период с 1960 по 1970 год. Рэймидж проработал в НоВ’е с Гусом Свифтом два сезона: в 1965 году он был временным помощником, чтобы подменить его в административных обязанностях и помочь с сортировкой керамики; и в 1966 году в качестве штатного ассистента. В тот сезон Свифт щедро делил свои обязанности с Рэймиджем, и они по очереди день за днём наблюдали за ходом раскопок и работали с находками в траншее. Конечно, было много споров; Свифт внимательно следил за своим новым помощником и терпеливо объяснял, чему он научился за годы работы на лидийских уровнях. После этого, так сказать, ученичества Рэймидж на следующий год был переведён на работу в северный сектор Пактола (см. Рис. 2.2: no. 10), ещё один район лидийских раскопок, и больше не проводил раскопки в НоВ’е.

Нэнси Реймидж [тогда Нэнси Хиршланд] также иногда работала ассистенткой Свифта на раскопках в лидийских траншеях в НоВ’е в течение трёх летних сезонов – с 1964 по 1966 год, в то время, когда она не зарисовывала объекты в качестве чертёжника при раскопках. Также у неё остались

незабываемые впечатления путешествия со Свифтом из Стамбула в Сардис, когда она впервые приехала туда. Она сидела в его Ленд Ровере на самом неудобном месте восемь или десять часов кряду и делилась с ним впечатлениями от своего первого знакомства с долиной Гермус и красотой лидийского пейзажа. В тот первый, 1964-й год, он, не только на раскопках НоВ'а, но и сидя на террасе, покуривая сигареты и рассказывая ей истории о своих ранних путешествиях и раскопках, стал её большим другом.

После работ со Свифтом на НоВ'е, Эндрю Реймидж приобрёл дополнительный опыт в Северном Пактоле (названном так потому, что он находился к северу от Утёса Пактолус), где он имел дело с лидийскими артефактами и архитектурными памятниками. Это может объяснить, почему профессор Джордж М. А. Ханфманн[1], руководитель экспедиции в Сардисе, пригласил его взять на себя задачу опубликовать результаты раскопок в НоВ'е после смерти Свифта в 1976 году. Кроме того, Рэймидж был знаком с манерой Свифта делать записи в полевых книгах, его методом проведения раскопок и его методом описания лидийской керамики.

Нэнси Реймидж, которую Ханфманн пригласил на работу в издательский сектор РС, не имела возможности работать там, потому что место [раскопок] обрушилось и было размыто дождями и рекой ещё до того, как она приехала в Сардис. Поскольку она никогда не работала с таким

[1] «Джордж Максим Аносов Ханфманн (родился в ноябре 1911 года в Санкт-Петербурге, Россия; умер 13 марта 1986 года в Уотертауне, Массачусетс) был известным археологом и исследователем искусства древнего Средиземноморья. Он учился в Йенском университете у Эрнста Бушора и Ханса Дипольдера, а затем в Берлинском университете у Вернера Ягера, где получил свою первую докторскую степень. Он эмигрировал в Соединенные Штаты, натурализовавшись в 1940 году. Ханфманн стал учеником Дэвида Мура Робинсона, получив вторую степень доктора философии в Университете Джона Хопкинса в 1935 году. Во время Второй мировой войны он служил в Управлении военной информации в Лондоне редактором радио. Он вернулся в Гарвард и стал куратором в Художественном музее Фогга. К 1956 году он прошел в Гарварде путь от младшего научного сотрудника до профессора. Он был одним из первых, кому было присвоено звание университетского профессора, с этой должности он ушел в отставку незадолго до своей смерти… Он основал кафедру древнего искусства и обучал студентов, в том числе Корнелиуса Кларксона Вермеула III. Он был избран в Американскую академию искусств и наук в 1953 году. В 1958 году он начал раскопки в древнем Сардис и оставался там до 1976 года. Он был избран в Американское философское общество в 1970 году. В 1978 году он получил Золотую медаль от Археологического института Америки. Он ушел из Гарварда в 1982 году после того, как в последний раз преподавал свой легендарный курс «Греческое искусство и культура» в весеннем семестре 1981-82 годов» [https://vk.com/wall-3073135_426762, дата обращения 05.06.2024. Примечание переводчика].

раскопщиком, как Марио Дель Кьяро, ей было непросто попытаться как можно точнее определить стратиграфию и реконструировать лидийский останки в этом труднодоступном месте.

Мы в большом долгу перед руководителями экспедиции в Сардис [, работавших там] на протяжении многих лет: во-первых, Джорджу М. А. Ханфманну, пригласившего Нэнси [Хиршланд], а затем и Эндрю Реймиджа (в 1964-м и 1965-м соответственно) присоединиться к сардисской команде, и бывшего нашим наставником, когда мы были аспирантами в Гарвардском Университете; затем – Кроуфорду Х. Гринволт'у-младшему[2], который в качестве руководителя раскопок и сам был экспертом по лидийской керамике, поддерживал нас в нашей текущей работе и сотрудничал с Эндрю Реймиджем, который к тому времени был одним из заместителей руководителя раскопок; и, наконец, Д. Кэхилл, который помог нам завершить этот проект в последующие годы, и оказал огромную помощь своими обширными знаниями и множеством уточняющих вопросов, что, несомненно, сделало книгу более качественным продуктом.

Анонимная читательница, которая в конце концов открылась нам, была чрезвычайно осведомлённой, поддерживающей и чуткой коллегой и внесла незаменимый вклад в написание этой книги. Элспет Дусинберре[3], должно быть, отложила все дела в сторону, чтобы внимательно и быстро прочитать

[2] «Кроуфорд Халлок Гринуолт-младший (3 июня 1937 – 4 мая 2012) был американским археологом-классиком из Калифорнийского университета в Беркли, который внес вклад в изучение Лидии своими раскопками в Сардисе» [http://newscenter.berkeley.edu/2012/04/26/archaeologist-crawford-greenewalt-to-receive-public-service-award-for-work-at-site-of-ancient-city-of-sardis/, дата обращения 05.06.2024. Примечание переводчика].

[3] «Элспет Дусинберре (доктор философии, Мичиган, 1997) интересуется культурными взаимодействиями в Анатолии, особенно тем, как Персидская империя Ахеменидов (ок. 550-330 гг. до н.э.) влияла на местные социальные структуры, а также взаимовлияниями между ахеменидами и другими культурами. В ее первой книге "Аспекты империи в Сардах Ахеменидов" (Кембридж, 2003) рассматриваются подобные вопросы с точки зрения лидийской столицы. Ее вторая книга – монография о диахронических раскопках "Печати Гордиона: личности и общество" (Филадельфия, 2005). Третья книга Дусинберри "Империя, власть и автономия в Анатолии Ахеменидов" (Кембридж, 2013) рассматривает всю Анатолию под властью персов…Она работала в Сардисе, Гордионе и Керкенес-Даге в Турции, а также в других местах восточного Средиземноморья. Профессор. Дусинберре преподает в основном греческую и ближневосточную археологию в CU-Boulder. Она является стипендиатом президента в области преподавания и была удостоена двенадцати наград Университета Колорадо в области преподавания» [https://www.colorado.edu/classics/elspeth-dusinberre, дата обращения 06.06.2024. Примечание переводчика].

текст, когда мы нуждались в её [помощи]. Её наблюдения значительно улучшили книгу (любые ошибки остаются нашими собственными). Мы в глубоком долгу перед ней и выражаем сердечную благодарность за многочисленные способы, которыми она дополнила эти тома.

Бахадыр Йилдырым[4] и Елизабет Гомбоси[5] всегда были рядом, когда мы в них нуждались. Среди многих друзей и коллег, которые на протяжении многих лет по-разному поддерживали нас в этой работе, были Андреа Берлин [Зав. Кафедрой классической археологии, Бостонский университет], Дженнифер Кларво [доктор философии Калифорнийского университета], Суна Гювен [проф. др. Корнельского университета] … [список из сотни фамилий – Примечание переводчика].

*

В то время как Эндрю Реймидж многому научился у Гуса Свифта, эти знания, в свою очередь, были чрезвычайно полезны для Нэнси Реймидж и Гюль Гюртекин Демир, которые обе в долгу перед Гусом и Эндрю за то, что они поделились своими знаниями о лидийской керамике и стратиграфии. Таким образом, мы предлагаем этот отчёт как дань уважения новаторским усилиям Густаву Ф. Свифту младшему, другу и наставнику, который не смог довести результаты своей работы до конца.

[4] «Бахадыр Йилдырым. Административный директор, Археологические исследования Сардиса. bahadir_yildirim@harvard.edu / 617-495-2380 Доктор философии, Нью-Йоркский университет, магистр, Нью-Йоркский университет, бакалавр, Нью-Йоркский университет. Бахадыр Йылдырым руководит публикациями и исследовательской деятельностью по археологическим исследованиям Сардиса в художественных музеях Гарварда. Он специализируется на греческом и римском искусстве и археологии, интересуясь исследованиями эллинистической и римской скульптуры и культурной самобытности, особенно в восточных провинциях Римской империи. Он содействовал археологическим исследованиям в Турции в качестве директора Анкарского филиала Американского исследовательского института в Турции (2002-8) и участвовал в археологических раскопках в Турции в Афродизиасе (1993-2009). В последнем месте он работал полевым директором с 2008 по 2009 год. В Сардисе он является помощником руководителя раскопок» [https://harvardartmuseums.org/about/staff/46, дата обращения 06.06.2024. Примечание переводчика].

[5] Также сотрудница Гарвардского университета.

Введение

Древний город Сардис, столица Лидийского царства, в древности славился своим золотом, роскошными тканями и быстрыми лошадьми. Его самый знаменитый царь, Крез, был настолько богат, что выражение «богат, как Крез» вошло в обиход. По словам историка Геродота (I.92), он был достаточно богат, чтобы посылать тонны золота Дельфийскому оракулу.

Крез был последним из лидийских царей, который был свергнут персидским царём Киром Великим. Эта история окутана легендой, потому что Геродот утверждает, что не кто иной, как Аполлон спас Крезу жизнь. Креза положили на погребальный костёр и должны были сжечь заживо, но Аполлон наслал сильный ливень, который как раз вовремя погасил огонь. Это событие, бывшее в середине VI века до Р. Х., является [временно́й] точкой, на которой заканчивается эта книга. А начинается отсчёт в эпоху, окутанную ещё бо́льшим мраком, но которая начинает обретать лучшие представления в свете археологии. Материал, представленный здесь, относится к позднему бронзовому веку – примерно к XII веку до Р. Х., когда Сардис был всего лишь небольшой деревушкой. И только позже он стал одним из величайших городов Малой Азии. Но речь здесь идёт не о Крезе или о его царственных предшественниках; а скорее, скромных работниках, фермерах и ремесленниках, а также их женщинах, которые жили и работали в маленьких домах, и ставших *предметом нашего исследования*.

В двух районах города, где эти люди построили свои дома, сардисская экспедиция обнаружила здания со стенами на каменном фундаменте, иногда покрытые глиняным кирпичом; улицы и переулки между зданиями; и содержимое этих домов, иногда разбросанное так, как будто обитатели только что покинули их. Здесь были найдены не только керамические изделия, но и металлические ножи и инструменты, предметы из кости, а иногда и терракóта. Нашей задачей было попытаться разобраться в огромном количестве находок,

обнаруженных за более чем десятилетние раскопки в этих двух археологических районах.

Первый и более крупный из этих секторов называется «Лидийские раскопки Дома Бронзы», в честь позднеримского Дома Бронзы, который был обнаружен неподалёку (1958-1960) и под полом которого были обнаружены первые признаки лидийского поселения. Раскопки лидийских траншей велись с 1959 по 1970 год, в основном под руководством эксперта Густава Ф. Свифта младшего, и вновь более малые работы – в 1980-х. В наших отчётах подробно описаны особенности, обнаруженные в археологических слоях, охватывающих более 650 лет – примерно с 1200 по 550 гг. до Р. Х.

Второй, гораздо меньший по размеру сектор, называется "PC" (Pactolus Cliff) в честь Утёса Пактолус. Это был небольшой участок на крутом восточном склоне к реке Пактолус. Это место стало известно, когда в зимние месяцы 1958 и 1959 гг. в русло реки упали несколько скульптур из римского саркофага и большие мраморные блоки, что привело к началу работ, которые приводились здесь летом 1959 и 1960 гг. В ходе раскопок, проводившихся под руководством Марио Дель Кьяро, под римскими гробницами были найдены остатки лидийского поселения.

В этих двух районах Сардиса были раскопаны скромные жилища местных жителей. На некоторых уровнях сохранились лишь небольшие следы их жизни, но этого было достаточно, чтобы мы могли попытаться составить некоторое представление об истории этого места. Лидийцы были [для нас] малоизвестным народом до начала исследований Гарвардско-Корнельской экспедиции, которые начались в 1958 году. Многолетние раскопки позволили прояснить многие аспекты древнего Сардиса; в этом томе рассказывается о двух областях, где обитали лидийцы, что даёт нам представление о повседневной жизни лидийцев – их жилищах, улицах и предметов домашнего обихода – в попытке разобраться в стратиграфии и находках, документирующих домашнюю жизнь этих простых лидийцев.

По мере того, как город со временем рос, он торговал со своими греческими соседями на западе и анатолийскими соседями на востоке. Эти чужеземцы оказали заметное влияние на лидийцев, особенно на их керамику. *Один из лучших способов определить это влияние – изучить формы и орнамент лидийских горшков, и это было одной из главных тем книги*. Чтобы изложить основные принципы, в первой главе рассматриваются вопросы, касающиеся производства керамики сардисскими гончарами: сначала даётся описание форм лидийских горшков, а затем приводятся наблюдения о том, как керамика ремонтировалась и использовалась повторно; затем, объяснение строения слоёв горшка; и наконец, виды декора и техники, используемые на горшках с лидийской росписью. Таким образом, во вступительной главе рассматривается *лидийская керамика как основа для изучения стратиграфии и интерпретации находок* в НоВ'е и РС.

После главы, посвящённой керамике, авторы обобщают наблюдения об этом районе Сардиса, включая общую топографию этого места, уделяя особое внимание физическим факторам, которые сформировали северный склон акрополя, и аллювиальным отложениям, которые помогли сформировать ландшафт. Продолжение Части I посвящено стратиграфии сектора НоВ, а затем Часть II – стратиграфии Утёса Пактолус. Наконец, в Части III мы представляем каталог находок, сначала из НоВ'а, а затем из РС. После каталогов читатель найдёт приложение с кратким изложением научных исследований, ссылками на иллюстрации, соответствия и указатели.

Мы начинаем лидийский период с позднего бронзового века (1100-1000 гг. до Р. Х.), что не означает, что до этого не было лидийцев; но именно тогда начинает появляться большинство свидетельств о людях, живших в самом Сардисе. Мы знаем, что люди, бывшие до этого, жили вокруг Гигейского озера (Gygaean Lake) к северу от Сардиса, и что на западном берегу этого озера был недавно обнаружен большой город Каймакчи[6]. Но эта книга посвящена

[6] «Каймакчи – крупнейшая цитадель среднего и позднего бронзового века (2000-1200 гг. до н.э.), известная в настоящее время на западе Турции. Древнее место, расположенное в 100 км от Измира и

непосредственно Сардису, и именно поэтому наши самые ранние находки относятся к позднему бронзовому веку. Они были извлечены с самых нижних уровней трёх глубоких зондирований, произведённых в 1960, 1962 и 1966 гг., каждое из которых подробно обсуждается. Среди интересных находок на этих глубинах были пол хижины, пафосное захоронение, стены, глиняная посуда и металлические предметы, а также, что примечательно, скелет осла.

Столетия, следующие за этими самыми ранними уровнями, делятся на четыре периода: с IV лидийского по I, которые длятся с XI до середины VI века до Р. Х. Каждый из этих периодов обсуждается по мере необходимости, как для сектора НоВ, так и для сектора РС.

С IV лидийского [периода] сохранилось немногое, но есть следы стен и немного керамики с греческим геометрическим влиянием. *III лидийский [период]* отличается особенно ярко выраженными признаками сильного пожара, а также смертей и катастрофических разрушений. Довольно много человеческих скелетов, в том числе скелет маленькой девочки, свидетельствуют о насилии в этот период. Дата этого разрушения была определена как конец VIII века, основываясь на керамике этого уровня. Кто были нападавшие, пока неясно. *III лидийский [период]* – это период, когда у нас впервые появились значительные свидетельства того, как люди жили в Сардисе. В ограждении на западной стороне котлована был обнаружен ряд домов, которые, возможно, служили мастерскими. В нескольких из этих строений на полу были найдены глиняная посуда и другие артефакты, как будто обитатели только что покинули дом. От этого периода сохранились встроенные сооружения для хранения и приготовления пищи, мастерские, а также улицы и аллеи. Жители Сардиса [на протяжении] *лидийского II*

побережья Средиземного моря, находится в долине, окруженной современными сельскохозяйственными полями. Возвышаясь над прилегающей речной долиной, некогда укрепленное место, вероятно, осуществляло политический и экономический контроль над прилегающей территорией. Археологический проект Каймакчи участвует в ряде мероприятий, начиная от археологических изысканий и раскопок и заканчивая мероприятиями, направленными на сохранение объекта и вовлечение сообщества. Раскопки начались в 2014 году, чтобы лучше понять природу этого места в течение его существования, а также то, что могло привести к тому, что его окончательно забросили» [https://sites.bu.edu/ealab/research/current-projects/kaymakci/, дата обращения 07.07.2024. Примечание переводчика].

[периода] использовали большие ямы как погреба или для мусора (или того и другого). Дно многих ям разных назначений обнаружено на уровне пола III лидийского [периода], так как землекопы прорывали толстый слой гравия, нанесённого поверх обожжённого слоя III лидийского [периода].

Гиря для ткацкого станка в форме диска, сделанная из глины [Примечание переводчика].

В *I лидийский [период]* по сохранившимся остаткам можно было увидеть гораздо больше свидетельств об условиях жизни и видах домашней деятельности. В качестве свидетельств были представлены не только стены домов и горшки на полу, но и артефакты из мастерской по обработке кости и для изготовлению гирь для ткацких станков[7].

[7] «Грузила для ткацкого станка используются в определенном типе вертикальных ткацких станков, называемых ткацкими станками с утяжелителем основы. Привязывая грузила для ткацкого станка к нижней части нитей основы, ткач создает равномерное натяжение и имеет больший контроль. Грузами для ткацкого станка могут быть камни (с поля или реки) аналогичной формы и веса, и в этом случае нити основы обвязываются вокруг середины камней. Также были обнаружены скопления гальки с просверленным отверстием наверху. В Греции были найдены другие древние гири для ткацкого станка, сделанные из свинца. Но гири для ткацких станков, как правило, изготавливались из глины (обожженной или необожженной), с отверстием или парой отверстий, пробитых в верхней части. Изготовление гирь для ткацкого станка из глины дало бы ткачу больший контроль над их формой, размером и весом, что улучшило бы процесс ткачества и конечный текстиль. Изготовление гирь для ткацкого станка из глины вручную или с помощью формы, предположительно, было бы менее трудоемким делом, чем сверление отверстий в камнях или гальке. Гири для ткацких станков из Древней Греции встречаются с украшениями и без, а также различной формы: дисковидной, цилиндрической, пирамидальной, конической, гантельной или в форме бублика. Различные формы и вес влияют на количество нитей в ткани. Количество нитей - это количество нитей на сантиметр в переплетении. Дисковые или пирамидальные грузила более узкой формы занимают меньше места, чем более громоздкие сферические грузила (даже если они весят одинаково), что позволяет увеличить количество нитей. Чем больше количество нитей, тем тоньше готовая ткань (Gromer 2016: 112)» [https://trc-leiden.nl/trc-digital-exhibition/index.php/ancient-greek-loom-weights/item/130-2-what-is-a-loom-weight, дата обращения 08.07.2024. Примечание переводчика].

Именно пол и стены этого периода, найденные под римским Домом Бронзы, впервые привлекли внимание археологов к тому факту, что находки лидийского периода находятся непосредственно под римскими полами.

В секторе PC, под «гробницей перемычки» и двумя римскими сводчатыми камерными гробницами, лидийские стены стали появляться так близко к более поздним уровням, что в одном случае эллинистическая стена в «гробнице перемычки» была построена прямо на верху Лидийской стены 9. В [секторе] PC было много стен, а также уровней пола, которые было нужно рассортировать по хронологии. Мы можем сказать, что в основном период обсуждения похож на ситуацию в HoB'e, хотя начался недавно. IV лидийский [период] – это наиболее ранний уровень, на котором материал был обнаружен в секторе PC.

Ни HoB, ни PC, по-видимому, не процветали после падения Сардиса при Кире Великом. HoB, очевидно, превратился во что-то вроде свалки, а в северной части – в промышленную зону. Немногое из персидского периода обнаружено в [секторе] PC.

В этой книге впервые проводится всестороннее исследование лидийской керамики в контексте полов и зданий, где она была найдена. [Изучение] керамики здесь используется в сочетании со стратиграфией[8], стенами и другими находками, чтобы обрисовать картину работы и жизни простых людей в лидийском городе на протяжении веков.

[8] «Стратиграфия в археологии представляет собой порядок чередования напластований культурного слоя по отношению друг ко другу, а также к подстилающим и перекрывающим его горным породам и отложениям. Изучение стратиграфии позволяет установить относительную датировку слоёв, построек и артефактов. Оно имеет большое значение в случаях, если нарушен естественный порядок слоёв. Это может быть связано с перекопами, обвалами, оползнями, эрозией и другими причинами» [https://spravochnick.ru/arheologia/vertikalnaya_i_gorizontalnaya_stratigrafiya/, дата обращения 08.07.2024. Примечание переводчика].

Хронология

Phase	Date
Late Bronze Age	Thirteenth to twelfth century B.C.
Early Iron Age	Eleventh to tenth century B.C.
Lydian IV	Iron Age, ninth through mid-eighth century B.C.
Lydian III	Last quarter of eighth century B.C., Destruction Level
Lydian II	Early to third quarter of the seventh century B.C.
Lydian I	Later seventh to mid-sixth century B.C.

Глава 1. Лидийская керамика

Краткий обзор Эндрю и Нэнси Реймиджей

Древние историки, описывая лидийцев, писали в основном о царях и дворцах, хотя Геродот (1.7) дал нам некоторое представление о простых людях и городе Сардис – так, как он их понимал. В отличие от исторического взгляда на правителей и их богатство, эта книга знакомит читателя с теми находками из древнего Сардиса, которые показывают, как жили и работали простые лидийцы. Два рассматриваемых здесь сектора – Дома Бронзы (сокращённо "HoB" от "House of Bronzes") и Утёса Пактолус ("PC" от "Pactolus Cliff") – проливают свет на дома и мастерские, улицы и мусорные ямы, предметы повседневной жизни и промышленные инструменты людей, живших в этом городе, за столетия до того, как он был разрушен персами в середине VI века до Р.Х.

Мы начнём с главы, посвящённой лидийской керамике, поскольку это самый распространённый материал на территории раскопок, а также полезный для понимания взаимоотношений лидийцев с их соседями на западе и востоке. Изучение керамики позволяет нам понять хронологию, торговые отношения и местные вкусы в еде и приготовлении блюд.

Множество керамических изделий было привезено из разных областей в Сардис, что обеспечило богатый запас лидийской керамики, которая варьировалась от изящной посуды до тяжёлых «хлебниц» и массивных кувшинов для хранения [различных продуктов]. Хотя археологические находки также включали керамику, привезённую из греческих и анатолийских центров, в I-й главе основное внимание уделяется местной лидийской керамике. Это даёт представление об излюбленных формах лидийских горшков, разнообразии декоративных узоров, используемых лидийскими гончарами, и составе самой глины, и заодно показывает, как лидийцы использовали свою керамику даже после того, как она была разбита и превращена в изделие для повторного использования.

Формы [лидийской керамики].

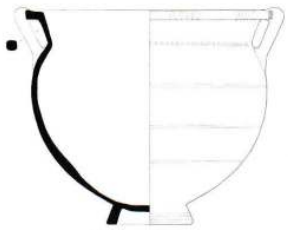
Поскольку большинство форм керамики на более поздних уровнях, найденных на лидийских раскопках сектора НоВ приближены к формам, хорошо известным для изучающих греческую керамику, *здесь использованы общепринятые греческие термины* (порядок обсуждения форм примерно соответствует расположению горшков на рис. 1.1). Однако детали профилей в некоторых случаях значительно отличаются от аттических или коринфских норм, являющихся общими ориентирами. Целые горшки редко встречаются на уровнях раскопок в секторах НоВ и РС, и с этого периода известно несколько могил, в которых они смогли сохраниться.

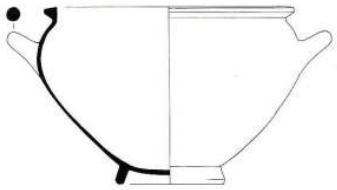
Формы лидийской керамики связаны как с анатолийскими, так и с греческими образцами. Неясно, в какой степени греческие термины, обозначающие форму горшков, должны быть применимы к тем, которые связаны с местными анатолийскими традициями. Это особенно актуально для более ранних периодов, когда формы (особенно монохромной посуды) более тесно связаны с сосудами, найденными во фригийских городах Гордионе[9] или Мидасе, чем с греческими. (Обратите особое внимание на работу Хаспелс[10] 1951 г., стр. 14d, e. Описание Хаспелс остаётся лучшим кратким и общим описанием фригийской керамики. Смотрите также работу Сэмса[11] 1994 г. как о расписных, так и о монохромных изделиях). В некоторых случаях формы настолько похожи на анатолийские аналоги, что они должны либо происходить из одного источника, либо соответствовать строгой местной традиции, широко распространённой в западной Анатолии.

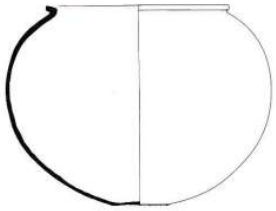
[9] Го́рдион (греч Го́рδιον) – древняя столица Фригии, находится ок. 90 км от Анкары.

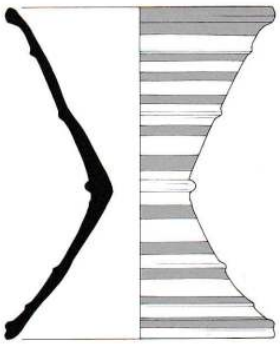
[10] Кэролайн Генриетта Эмилия Хаспелс (1894-1980) была голландским классическим археологом.

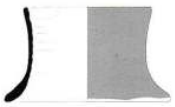
[11] Гилберт Кеннет Сэмс, американский профессор, археолог (ум. 2018). «После войны Хаспелс была назначена профессором классической археологии и истории античного искусства в Амстердамском университете. С 1946 по 1958 год она участвовала в раскопках во Фригии. Хаспелс была назначена членом Королевской академии искусств и наук Нидерландов и Института перспективных исследований в Принстоне в 1960 году. В 1965 году Эмили Хаспелс вышла на пенсию и получила звание рыцаря ордена Нидерландского Льва… Эмили Хаспелс умерла 25 декабря 1980 года в Капелле-ан-де-Эйссель. Она была похоронена в семейной могиле на Реформатском кладбище в Хиллегерсберге» [https://resources.huygens.knaw.nl/vrouwenlexicon/lemmata/data/Caroline%20Haspels, дата обращения 10.07.2024. Примечание переводчика].

Column krater
(P86.46)

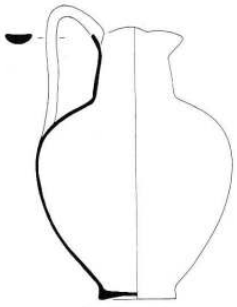

Skyphos krater
(based on HoB 446)

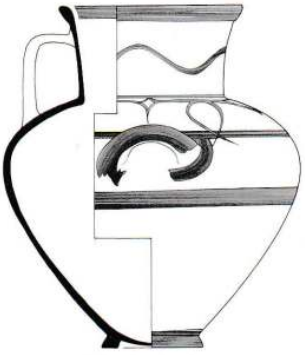

Lebes
(based on HoB 750)

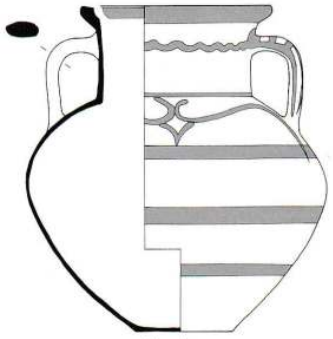

Biconical pot stand
(HoB 386)

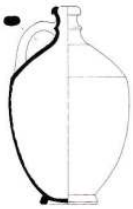

Pot stand
(HoB 535)

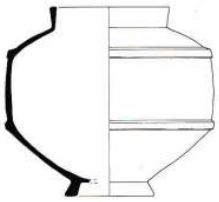

Round-mouthed jug
(HoB 376)

Jug/Oinochoe
(based on HoB 753)

Waveline hydria
(HoB 577)

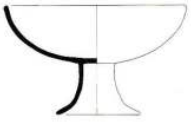

Amphora
(HoB 410)

Lekythos
(HoB 520)

Pyxis
(P86.47)

Low-footed bowl or dish
(HoB 740)

Low-stemmed dish
(HoB 374)

High-stemmed dish
(based on HoB 325)

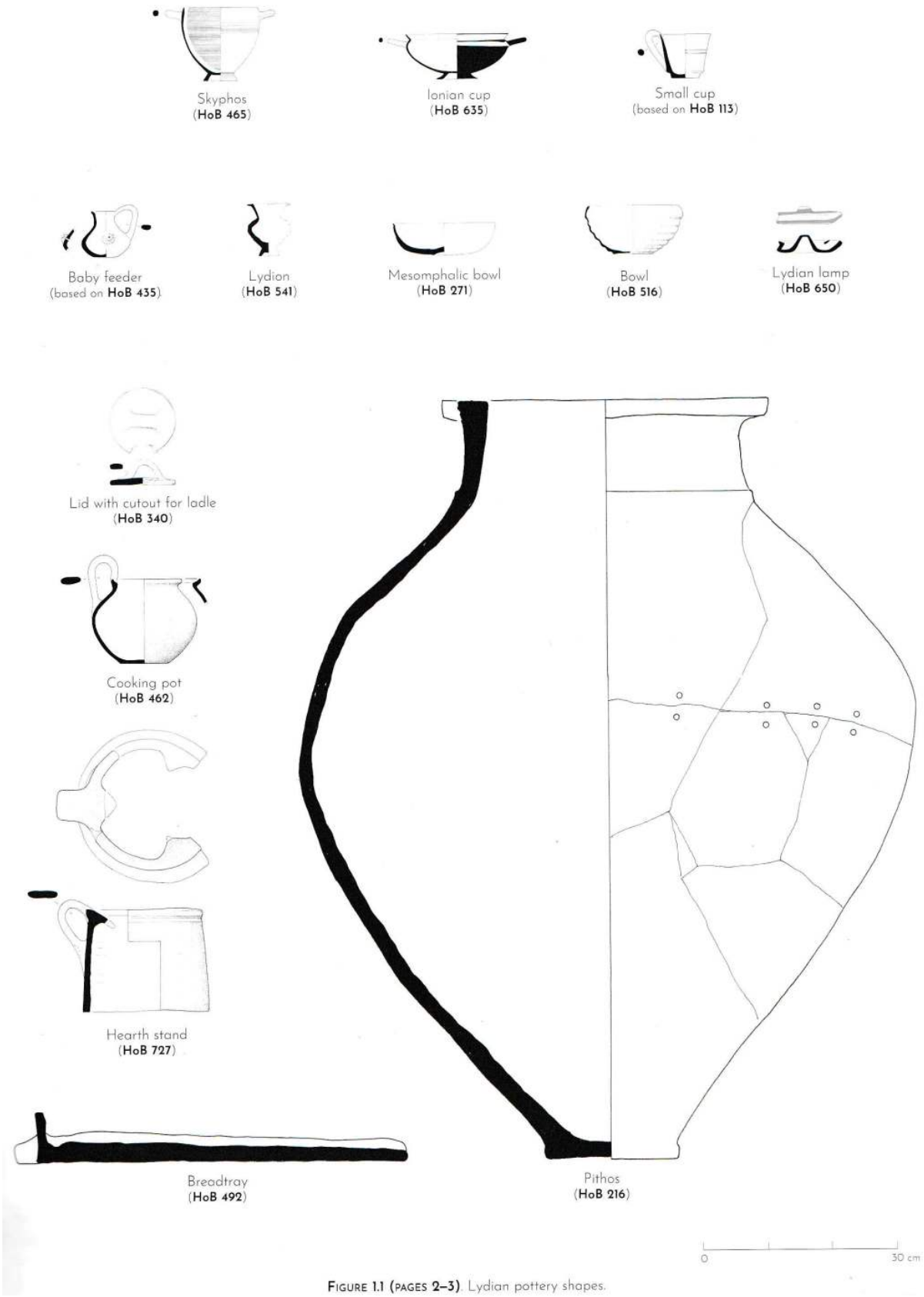

FIGURE 1.1 (PAGES 2–3). Lydian pottery shapes.

На двух страницах читателю представлены основные формы горшков (Рис. 1.1)

Можно обнаружить много сходства с формами и обработкой горшков из Ла́рисы[12] [, что на реке] Гермусе, что особенно заметно среди монохромных изделий, относящихся к догреческому периоду поселения, но сохраняющихся и в период ориентализации[13] (Белау Дж. и К. Шефольд, 1942. *Die Kleinfunde*, стр. 21 и 58 и далее, о серой и ленточной посуде). Эолийские фрагменты из Старой Смирны поднимают вопрос о терминологии. То, что на более позднем уровне можно было бы назвать ойнохоэ[14] (oinochoe), на более раннем уровне, скорее всего, называлось бы кувшином, поскольку использование греческой терминологии было бы неуместным. Мы используем [термин] «кувшин» для более ранних периодов, и «ойнохоэ» – для каталогов предметов периодов Лидийский II и Лидийский I.

Конкретные формы горшков приведены на рисунке 1.1, где показаны типичные лидийские формы, большинство из которых представлены на последующих страницах. В дополнение к этим стандартным формам керамики, в отдельных изделиях можно увидеть явные признаки повседневной жизни [, например,] сита (HoB 213, HoB 555), подставки для вертела для запекания (HoB 106, HoB 230) и решётка для запекания (HoB 251).

Рисунок 1.2

Горшок для приготовления пищи, установленный на отломанную горловину гидрии, являющейся подставкой для горшка.

[12] Ла́риса (греч. Λάρισα) на Гермосе – древнее место на холме к востоку от Бурунчака, примерно в 30 км. к северу от Измира в Турции. Раскопано между 1902 и 1934 годами.

[13] Ориентализирующим периодом (720-580 гг. до Р. Х.) называют период в истории этрусков, когда на их культуру оказали сильное влияние народы восточного Средиземноморья.

[14] «Оинохоэ – это кувшин для наливания вина. По-гречески вино означает ойнос. Оинохоэ производились как в черно-, так и в краснофигурный периоды» [https://www.thoughtco.com/ancient-greek-pottery-4122672, дата обращения 10.07.2024. Примечание переводчика].

Кратéр[15]*, лéбес*[16] *и подставка для горшков*

Кратéры (см. рис. 1.1: фигуры 1 и 2) с высоким основанием, подобные тем, что были найдены в Экзочи[17] на Родосе, были излюбленными в Лидийском III периоде (см. хронологическую таблицу), и мы предполагаем, что многие из них являются местными подделками, хотя некоторые, безусловно, были прямым импортом. Одним из таких элементов является большой кратер с концентрическими кругами и волнистыми вертикальными линиями на специальной панели (т. е. неокрашенной панели), который можно воссоздать на бумаге (HoB 351). Он был найден на уровне разрушений конца VIII века и важен для его датировки. Эта форма не фигурирует в Лидийском периоде II, и можно предположить, что её роль была осуществляема большими чашами на подставках. Более поздние формы (HoB 556) близки к типичной форме кратеров на коринфских колоннах (Лидийского периода I), но имитация их декоративной схемы не предпринималась. Скифский кратер – это ещё одна крупная открытая форма (HoB 447, HoB 749), а другие проистекают из различий в форме горловины или изгиба.

Разновидностью кратера с высоким подножием являются чаши с круглым дном, которые необходимо устанавливать на подставку, чтобы им не опрокинуться. И в кратере, и в лебесе содержалось большое количество

---

[15] «Кратéр (κρατήρ), др.-греч. большой сосуд для смешивания вина с водой, широко распространён в 9–2 вв. до н. э. Изготавливался из глины, реже – из металла. Для всех К. характерны ёмкое тулово с широким устьем и 2 симметрично расположенные ручки. Форма К. 9–7 вв. напоминает округлый котёл на конусовидной или расширяющейся книзу ножке; выгнутые кверху горизонтальные ручки находились около устья или по бокам сосуда. В 7–6 вв. сложилось неск. типов К., отличающихся формой корпуса, конструкцией и местом крепления ручек» [https://old.bigenc.ru/archeology/text/2107984, дата обращения 11.07.2024. Примечание переводчика].

[16] «Лéбес (*греч*. котёл), сосуд в форме чаши (для мытья, приготовления пищи и т. д.) из металла (бронза, серебро) или обожжённой глины, установленный на треножнике или подставке» [https://dictionary_of_ancient.academic.ru/2199/Лебес, дата обращения 11.07.2024. Примечание переводчика].

[17] «Экзочи. Расположен между современными Лардосом и Пилоной, недалеко от могучего Линдос, Экзочи, важен не столько для своего внутреннего реликвии, что касается небольшой группы захоронений, датируемых IX - началом VII века до Р. Х. Раскопан Кинчем в 1914 году, а результаты тщательно опубликовал ещё одним датский археолог Кнуд Фриис Йохансен в 1957 г. Экзочи – один из одни из наиболее документированных археологических памятников на Родосе, он представляет отличное тематическое исследование для всех, кто интересуется Родосской геометрической и субгеометрической керамикой» [*Гиоргос Бурогианнис*. Поздняя геометрия, субгеометрия и архаичная керамика из Родос в Лунде: свежий взгляд о некоторых старых находках. Документирование древнего Родоса: Археологические экспедиции и Родосские древности. Акты Международного коллоквиума хранится в Национальном музее Дании в Копенгагене, 16-17 февраля 2017 г. Под редакцией Стине Шиер. Издательство Орхусского университета Langelandsgade 177DK-8200 Aarhus N, 2016. – С. 222].

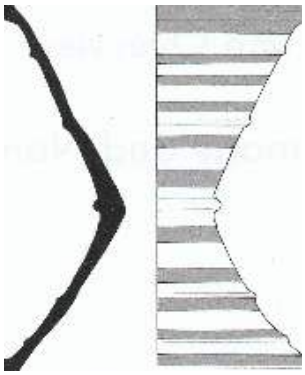
жидкости, которую можно было зачерпнуть, а затем перелить сосудом меньшего размера. Появление формы лебеса можно отнести к концу VIII века, даже [в том случае,] если подтверждённые находки не появятся до II Лидийского периода (до 750 года).

Лебес со львами и другими существами. Вид сбоку. Экспонат музея Ведата Недима Тёра[18], Стамбул. Датировка 600-570 г. до Р. Х., Лидия [Примечание переводчика].

Ранние подставки для лебеса имели биконическую форму (HoB 386) и, как правило, были более причудливыми, чем простой цилиндрический тип, появившийся позже. Привезённые версии биконической подставки украшены полосами вокруг брюшка коричневого цвета на желтовато-коричневом фоне; лидийские версии элегантно оформлены чёрным по красному с геометричес-

[18] Ведат Недим Тёр – турецкий политик, писатель и журналист.

кими узорами (HoB 179). Но не только для крупных лебесов была необходима подставка. Любому горшку с круглым дном (для приготовления пищи или иного назначения) потребовалась бы подставка, чтобы оставаться в вертикальном положении, где бы он ни был установлен.

Биконическая подставка. Фрагмент рисунка 1.1.

Обычно она имел форму цилиндрического кольца, на которое ставили горшок (HoB 535). Часто её заменяли сломанным горлышком гидри́и или амфоры (рис. 1.2), особенно во времена Лидийского периода I. Смотрите множество примеров из HoB'a, таких как HoB 524 – HoB 533.

Кувшин/ойнохо́э

Кувшины, также называемые ойнохоэ, были обычными предметами, их находили повсюду, и они были очень необходимы в повседневной жизни для воды и вина. Особенно прекрасным примером ойнохоэ с [горловиной в форме] трилистника является красный двухцветный сосуд с полосами, HoB 753, у которого сложные концентрические крючки украшают плечо, а корпус покрыт полосатой глазурью (см. рис. 1.11).

Рисунок 1.11.

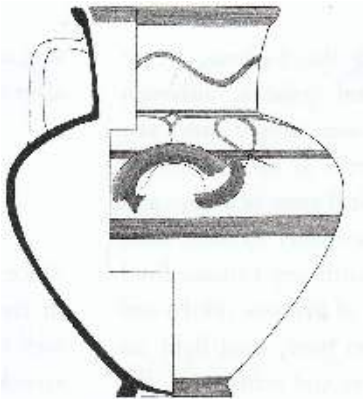
Другой – широкий двухцветный кувшин с прочными концентрическими крючками, опять же на плече (HoB 620). Ойнохоэ с [горловиной в форме] трилистника варьировались от крупных экземпляров, подобных этим, до маленьких и изящных (HoB 754 – HoB 762).

Кувшины с круглым горлышком различных размеров составляют значительную долю закрытых форм; в большинстве изделий встречаются как

высокие, так и приземистые профили. Изготовление кувшинов с круглым горлышком начинается рано (рис. 1, стр. 19). Типичным более поздним примером является HoB 376, а также кувшины с круглым горлышком во фригийском стиле – HoB 331 и HoB 369.

Гидри́я[19] и амфора[20]

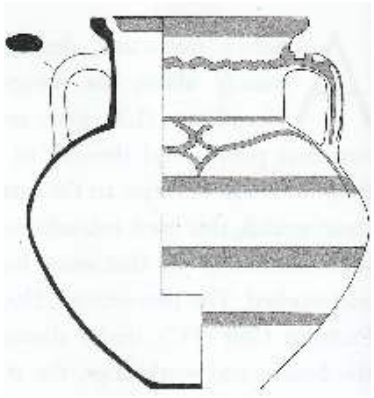
Другой распространенной формой для жидкостей большого размера является гидри́я или амфора, похожие по корпусу, но отличающиеся ручками.

Гидрия (что означает «кувшин для воды») имеет три ручки: по одной с каждой стороны утолщения и одну, идущую от шеи горшка к плечу, используемую для подъёма сосуда для наливания. Амфора, напротив, имеет две ручки, обе тянутся от горлышка к плечику горшка.

Гидрия. Фрагмент рисунка 1.1.

У лидийцев была своя версия популярной декоративной схемы из волнистых линий, которая широко использовалась на восточно-греческой керамике. Особенно часто встречаются амфоры и гидрии, фрагменты которых, как известно, трудно отличить друг от друга, потому что формы, предпочитаемые лидийцами, идентичны, за исключением количества и положения ручек.

Амфора. Фрагмент рисунка 1.1.

Лидийские амфоры и гидрии обычно имеют широкое горлышко и равные по высоте и ширине пропорции. Особенно тип, называемый «гидрии с волнистыми линиями» (или амфоры, – в зависимости от расположения ручек),

---

[19] Гидри́я (др.-греч. ὑδρεῖον, ὑδρία – кувшин для воды, от (др.-греч. ὑδωρ — вода) — древнегреческий сосуд, кувшин для воды из керамики или бронзы.

[20] А́мфора (др.-греч. ἀμφορεύς букв. «несомый с обеих сторон») – изящный сосуд, часто с расширенным в верхней и суженным в нижней части туловом, узким горлом и двумя вертикально поставленными ручками, сделанный обычно из глины. Амфоры были наиболее распространены у греков, римлян, этрусков.

имеет ширину корпуса, близкую к его высоте (HoB 577). На самом деле в секторах HoB или PC *не было найдено лидийских образцов более узкого и удлиненного типа амфор, соответствующих греческому вкусу*.

На лидийских амфорах обычно находят заметное сочленение от горлышка до плеча. Простая низкая ножка-кольцо также является нормой. Пока неясно, когда впервые какой-либо сосуд, который можно было бы правильно охарактеризовать как амфору, появился в Лидии, потому что очень многие фрагменты неоднозначны и вполне могут принадлежать к бóльшим кувшинам, которые идентифицируются по их ручкам или горловинам в виде трилистника. Самый ранний предмет (HoB 356) с целым горлышком и ручками датируется концом VIII века, но фрагменты ручек позднего бронзового века также могут принадлежать амфорам.

Украшение представляет собой вариацию схемы с использованием горизонтальных полос с интервалами вдоль корпуса горшка (HoB 522). По ободку широкая полоса внутри и снаружи, а по горлышку волнистая линия. На плече имеется пара линий, расположенных чуть ниже перевязи, обозначающей сочленение на горлышке, которое оформлено в виде перекрещивающейся гирлянды. Более формально и, возможно, под сильным греческим влиянием, две горизонтальные S-образные петли расположены по касательной и соединены открытым треугольником вверху. Иногда это дополняется двойным рисунком пальметты[21], напоминающим мотив «звезды и свитка» на лидийской архитектурной терракоте (PC 55). Возможно, это [изображение] изготовлялось позже, в начале VI века. Цвет окраски обычно тёмно-коричневый с небольшими прожилками, хотя имеется значительный разброс в сторону красного; тело горшка обычно желтовато-коричневое. Поскольку класс «с волнистыми линиями» [более] характеризуется смелостью [решений], чем изысканностью, разнообразие в оформлении могло возникнуть как в результате недоразумения, так в результате изобретения.

[21] Пальметта – элемент растительного орнамента в виде листа пальмового дерева.

Пиксúс[22]

Пиксис представляет собой закрытую форму, которая обычно имела крышку (HoB 540, PC 115). Это форма с одинаковой шириной и высотой, которую можно было использовать в качестве контейнера для всевозможных мелких предметов домашнего обихода, но обычно она ассоциируется с более

деликатными предметами, такими как туалетные принадлежности или косметика; следует предположить, что в лидийский период таких предметов у обычных людей было немного, поэтому в контейнере могли поместиться любые мелкие предметы.

Геометрический пиксúс [Примечание переводчика].

Блюдо на ножке

Блюдо на ножке (иногда называемое подставкой для фруктов) с высокой или низкой ножкой распространено в Сáрдисе и гораздо реже в греческих городах, хотя его находили в таких местах, как Эмпóриос[23] на Хúосе и Токра[24]

[22] Пиксúс (греч. πυξίς) – форма греческого сосуда.

[23] «Эмпóриос является одним из самых уникальнейших мест на острове Хиосе, да и по всей Греции. Гавань Эмпориос расположена в 5 километрах от главного пути, ведущий по направлению к южным селениям Хиоса. Его название указывает на то, что в прошлом это был торговый центр. На этом месте в 3000 году до н. э. находилось поселение Лефконио, следы которого были обнаружены в происходивших здесь относительно недавно раскопках. Теперь они выставлены в качестве экспонатов в Археологическом музее Хиоса» [https://www.chios.com/ru/villages/south-villages/emborios.html, дата обращения 14.07.2024. Примечание переводчика].

[24] «Токра (Тавхира, Арсиноя, Клеопатрис) – город в Эль-Марджском муниципалитете Ливии, в пределах Триполийской епархии Александрийской Православной Церкви. Расположен на побережье Средиземного моря, в 70 км. северо-восточнее Бенгази. По данным Геродота Тавхира (Ταύχειρα) была самым молодым из пяти греческих городов Киренаики (т. н. «западного пятиградия»), но раскопки 1960-х годов обнаружили керамику, датируемую концом VII века до н.э., что делает город одним из старейших. Датой постройки города, однако, приводится 510 год до н.э. На заре его истории порт был номинально независимым городом-государством в орбите Кирены. Зимой 332-331 года до н.э. пятиградие подчинилось Александру

в Киренáике. Возможно, это скорее анатолийская форма, которая в меньших количествах была принята в восточной Греции. По-видимому, это было широко используемое блюдо для повседневного употребления, хотя двадцать три были найдены вместе в одном доме (в другом месте Сардиса), что позволяет предположить, что они могли использоваться просто как тарелки. Они составляют значительную долю домашней утвари конца VIII века (т. е. III Лидийского периода). Обычно неглубокая чаша способствовала созданию некоторых из самых изобретательных и ярких узоров лидийскими горшечниками (НоВ 325, см. рис. 1.1). Более мелкую версию без ножки иногда называют тарелкой (НоВ 740). Примеры открытых чаш и неглубоких блюд имеют либо ножку, либо короткую расширяющуюся ножку, спускающуюся от центра блюда. Форма продолжает оставаться популярной даже после появления специализированных форм, таких как скифосы или плоские тарелки. Профили обода поражают своим обилием, показывая, что следует быть осторожным при вынесении хронологических суждений только на этом основании.

Чаша и ски́фос

Чаша чаще всего встречается среди серой посуды (НоВ 113), но несколько примеров были также найдены среди местной коричнево-жёлтой посуды (НоВ 75, НоВ 394), которую в конце бронзового века часто полировали. На самом деле эта форма была популярна уже несколько сотен лет, но особенно часто встречается на наших уровнях раннего железного века. По форме и хронологическому диапазону его можно сравнить с чашами из полуостровной Греции, а также с Са́моса или Хи́оса. Чаши с небольшим выступом на стенках и низкой фаской у основания (многие из которых – из серой посуды), имеют сильное сходство с чашами из Го́рдиона[25] (НоВ 113), а

Македонскому и вошло в Египетскую сатрапию» [https://drevo-info.ru/articles/15849.html, дата обращения 14.07.2024. Примечание переводчика].

[25] Чаши из древнего города Го́рдион – самая ранняя форма аттических чаш.

также с чашками из Эмпо́риоса. Более поздние чашки, более широкие, неглубокие и с двумя ручками, больше похожи на чашки из Ионии и часто копируют миски для птиц.

Экспонаты археологического музея в Гордионе [Примечание переводчика].

Ски́фос – это еще один вид чаши, но совершенно иной формы.[26] Это во многом зависит от расписных коринфских прототипов позднего геометрического периода (HoB 467), но форма, по-видимому, была принята, сначала в местной серой посуде с округлым корпусом (HoB 329), датируемой второй половиной восьмого века (эти два скифоса были найдены на уровне разрушений, т. е. на III Лидийском уровне). Внешний вид лидийского скифоса имеет лишь грубое сходство с более изящной росписью коринфского прототипа; лидийцы никогда не переняли тонких горизонтальных линий на корпусе. Заимствование заключается в основном в организации зоны ручки как отдельной области, либо зарезервированной, либо предназначенной для

[26] В Сардисе мы обычно используем термин «ски́фос» там, где некоторые другие использовали бы термин «коти́ле». Единственное отклонение от этой практики мы делаем для настоящих коринфских изделий, или в ссылках на работы других учёных. [В древности котиле был не только формой глиняного сосуда, но и служил мерой объёма. «Наименьшей единицей вместимости был котил (16,5 кубических дюйма; 0,475 пинты; 270 кубических см), метр равнялся 144 котилу, или 12 хусам, или 2 ксестам. Реконструированные глиняные цилиндры, найденные при раскопках в Афинском Акрополе, представляют собой древнейшее из известных свидетельств греческой системы измерения жидкости». (https://www.britannica.com/science/kotyle, дата обращения 15.07.2024. Примечание переводчика)].

украшения (например, HoB 500). С другой стороны, лидийские скифосы далеко не такие тонкие, как скифосы из Коринфа. Наиболее очевидным отклонением от первоначальной греческой формы является то, как лидийские гончары обыгрывали профиль ножки (особенно это заметно среди более поздних скифосов), устанавливая чашу на невероятно высокую коническую подставку (HoB 517).

Коринфский скифос. [Примечание переводчика].

Частота появления скифосов увеличивается в VII и в VI веках. Полосатые скифосы значительно приобрели популярность примерно в середине VII века. Последним оформительским нововведением стало добавление белых полос или точек на ободки, ножки или внутреннюю поверхность. Используется несколько вариантов добавления белой краски. Впрочем, такое оформление использовалось не только для скифосов.

Поилка для младенцев

Детские кормушки сочетают в себе комфорт крошечного шарообразного горшка, подходящего для маленьких ручек ребенка, пьющего молоко, с носиком, который работает как сосок груди. Они начинаются уже в позднем бронзовом веке (HoB 215), с уровня IX или VIII века в месте Глубокого Зондирования C (одна из трех глубоких ям, вырытых в HoB, чтобы достичь самых ранних уровней над уровнем грунтовых вод), и продолжают использоваться на протяжении всего лидийского периода (PC 12). Эти привлекательные маленькие горшочки обычно являются серой посудой.

Ли́дион

Лидион, названный в честь Лидии, является единственной местной формой и соответствует ари́баллосу[27] из коринфской коллекции. Он маленький и шаровидной формы, с отчетливо маленькой ножкой и широкой

расширяющейся шейкой. Использование высокой неустойчивой стопы, обычное для поздних лидийских скифосов, находит параллель в ли́дионе (HoB 541, HoB 542) и в ле́китосе[28]. Эта форма часто встречается в Сардах при Лидиане I примерно после 600 г. до Р.Х., как среди погребальных принадлежностей, так и в домашнем обиходе (PC 116). Она широко экспортировалась; образцы были найдены даже в Этрурии и на Сицилии.

Терракотовый лидион. [Примечание переводчика].

Было высказано предположение, что он служил контейнером для знаменитых и пользующихся всеобщим восхищением лидийских духов, известных как ба́ккарис[29], но его использование в домашних условиях предполагает, что контейнер также мог быть особенно подходящим для жидких или жирных экстрактов нескольких видов, используемых в кулинарии, или для измельчённых трав.

[27] «Ари́баллос, маленькая, с узким горлышком, сферическая или шаровидная греческая ваза. Обычно используемый в качестве флакона для духов или масла, особенно спортсменами в банях, арибаллос происходит от шаровидной бутылки для наливания вина (оинохоэ) в геометрическом стиле (IX век до Р. Х.), отличительная форма которой сформировалась в раннем протокоринфском стиле (VIII век до Р. Х.)» [https://www.britannica.com/art/aryballos, дата обращения 16.07.2024. Примечание переводчика].

[28] «Слово ле́китос … известно из древних источников. Афиняне, по-видимому, использовали этот термин в широком смысле для обозначения любой маленькой фляжки для масла» [Там же].

[29] Ба́ккарис – ароматическое растение, предположительно нард.

Мезомфали́ческая[30] *чаша*

Мезомфалическая чаша датируется, по крайней мере, VIII веком, и, вероятно, была распространена в Лидии и Фригии, прежде чем стала популярной среди греков. Форма чаще всего встречается среди серой посуды (HoB 299). Очевидно, что изначально это была металлическая форма, появившаяся до того, как расписная посуда стала наиболее распространенным декоративным стилем.

Мезомфалическая пиала из Коринфа. [Примечание переводчика].

По-видимому, горшки формы омфало́са[31] часто уменьшали для изготовления игрушечных фигурок или пробок (См. рис. 1.3).

Омфало́с в Дельфах. [Примечание переводчика].

[30] Мезомфалическая, т. е. с выпуклым углублением на нижней стороне, позволяющим легче удерживать её.

[31] Омфало́с – священный камень, «пуп земли», центр мира.

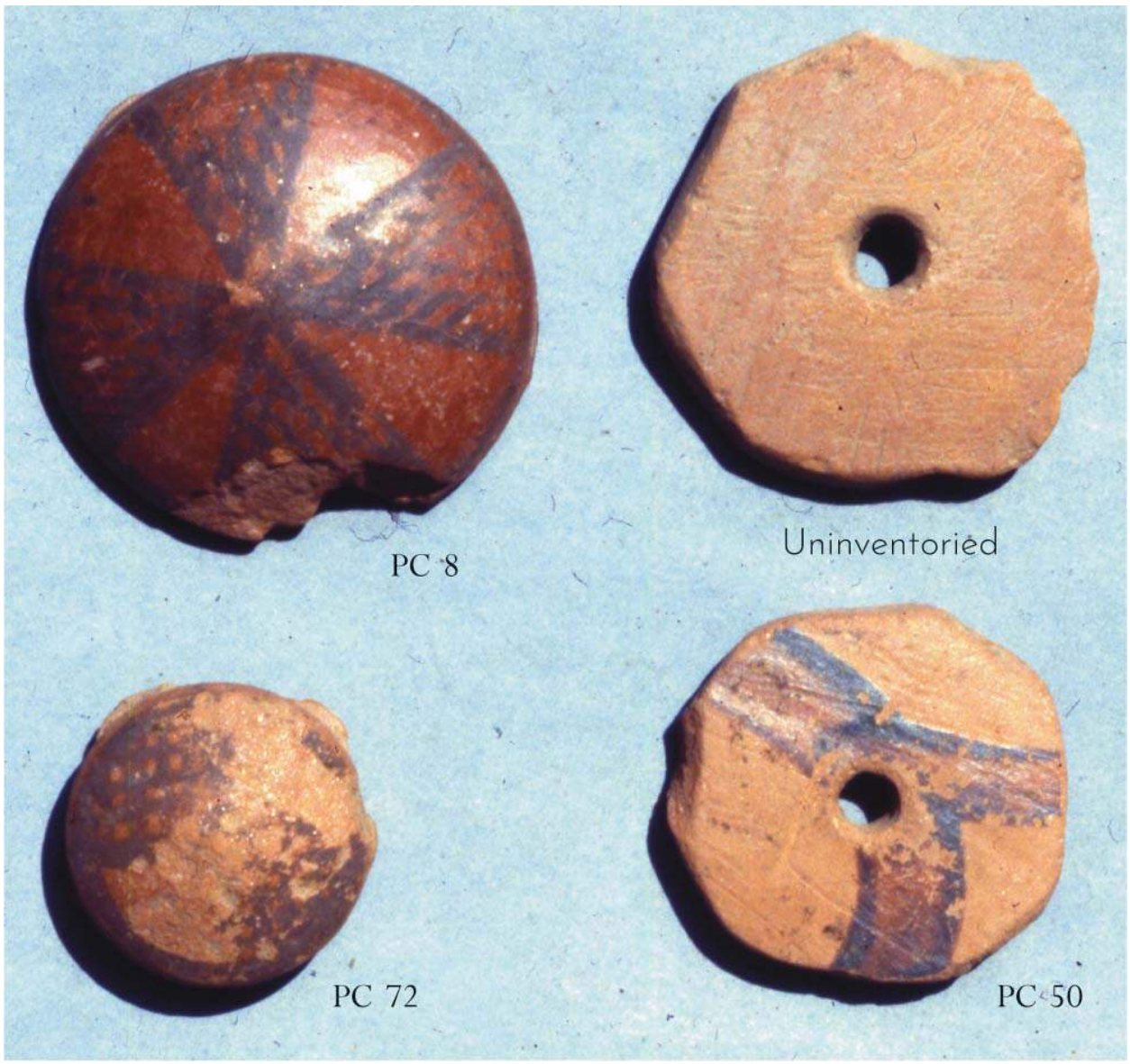

Рис. 1.3. Четыре специально вырезанных куска, которые могли служить пробками или игровыми фигурками. Два с отверстиями могли, как вариант, служить грузилами для ткацкого станка. Две из них – омфало́сы из мезомфалических чаш, а одна – фрагмент волнообразной гидрии.

Лампа

Лидийские лампы были очень практичны и, должно быть, были повсюду, поскольку в них нуждались все. Обычно они были круглыми, с отверстием для масла, приподнятой частью в центре и носиком с отверстием для фитиля. Многие из них были найдены вместе (HoB 579) к востоку от здания A, на уровне Лидийского I периода.

Подставка для очага

Подставка для очага (НоВ 378) использовалась для приготовления пищи в горшочках, которые ставились над огнём. Основная форма – неполный цилиндр, предназначенный для доступа воздуха к углям. Наверху у него три треугольных выступа, направленных внутрь и немного вниз. Это обеспечивает хороший баланс горшка, который стоит сверху, а также способствует притоку воздуха, поскольку между дном горшка и стенками цилиндра остается зазор. Функция, возможно, обусловила форму; вероятно, в дальнейшем, за несколько сотен лет, произошли незначительные изменения в форме и материале.

Поскольку подставки для очага были фактически установлены на очаг и подвергались воздействию открытого огня (НоВ 727 и рис. 1.2), они обычно изготавливались из материала для приготовления пищи. Поверхность изделия часто бывает несколько гладкой (хотя и недостаточно), чтобы замаскировать зернистость туловища.

Горшок для приготовления пищи

Для приготовления пищи используются почти исключительно шарообразные горшки с одной или двумя ручками (НоВ 462, НоВ 460). Форма и толщина стенок горшков меняются со временем. Образцы раннего железного века, очевидно, ручной работы, – толстые, с широким плоским дном и возвращающимся изгибом профиля; к концу VIII века (III Лидийский период) они, очевидно, стали круглее и тоньше, с довольно суженным горлышком.

Горшки должны были иметь крышки, иногда с круглыми или квадратными вырезами для ложки или половника (НоВ 340). Одна огромная крышка, возможно, предназначалась для копчения пищи на огне (НоВ 339; рис. 1.4). У неё было интересное и пока уникальное украшение, а именно шерсть, вдавленная в глину, когда она была еще влажной. Другие крышки из

красной полированной глины (HoB 518), вероятно, устанавливались непосредственно на горшок, а не над огнем.

Рис. 1.4. Реконструкция, показывающая, как исключительно большая крышка (HoB 339) могла использоваться для копчения пищи на огне. (Рисунок Кэтрин Александер, © Археологическое исследование Сардиса / Президент и стипендиаты Гарвардского колледжа).

Большинство изделий, изготовленных из материала для посуды, на самом деле, как следует из названия, представляют собой горшки, крышки или подставки для очага. Лишь немногие горшки, имевшие какое-либо иное назначение, выглядели как горшки посуды для приготовления пищи. Но если исключения подтверждают правило, то изредка амфора, изготовленная в виде посуды для приготовления пищи, служила для этой цели (HoB 711).

Хлебница

Термин «хлебница» почти всегда используется для обозначения только одной формы, то есть больших, плоских, квадратных кусков слегка

обожжённой глины, обычно размером около 0,50 × 0,50 м.[32] Обычно хлебница имеет три приподнятых края, а четвёртая сторона открыта (HoB 492). Два небольших горизонтальных выступа, похожие на миниатюрные ручки, поднимаются из углов открытой стороны. Значительное разнообразие наблюдается в профилях этих выступающих краёв, а также открытого края (от полукруглого до почти квадратного), но до сих пор не было обнаружено хронологической закономерности. На нижней стороне часто видны следы сажи, иногда в виде правильного рисунка, как если бы поднос был установлен на выступ встроенного очага. Таким образом, он мог служить противнем или сковородкой для жарки.

Пи́фос

Лидийские пи́фосы железного века, как правило, шаровидной формы, с несколько суженной шейкой (HoB 216), но могут быть и более узкими (HoB 463). Поскольку у них часто было заострённое дно, их, вероятно, вкапывали в землю, где они были бы более устойчивыми. Гораздо более округлый пифос позднего бронзового века, который использовался для захоронения (HoB 105), имел маленькие ручки с выступами.[33] Этот был полуметрового роста, но размер остроконечных пифосов, по-видимому, варьируется от высоты примерно в три четверти метра до полутора метров и около одного метра в диаметре, хотя количество примеров с полными профилями невелико.

В начале железного века гончары предпочитали рельефные полосы, часто украшенные узором в ёлочку (короткие линии в одном или двух разных направлениях), предполагающим наличие верёвки вокруг горловины кувшина (PC 58). Другие узоры на поверхности включали вырезанные крест-накрест узоры, такие как ромбы или треугольники (PC 35). Иногда рисунок или знак

[32] Находка хлебницы обычно фиксировалась, но редко сохранялась. Таким образом, у нас нет ни одного целого экземпляра. Кроме того, в начале раскопок возникла путаница между кровельной черепицей и хлебницами.

[33] Вокруг Гигейского озера были найдены погребальные пифосы III тысячелетия до Р. Х.

наносили палочкой или другим инструментом на влажную глину (PC 54; рис. 1.5); в других случаях это делалось путем проведения пальцем по влажной поверхности, образуя таким образом закругленную канавку (HoB 57; рис. 1.6). Впоследствии гончары по-видимому, отказались от этих декоративных украшений.

Рис. 1.5. Палкой или другим инструментом делали декоративные отметки во влажной глине пифоса.

Рис. 1.6. Палец был вытерт о влажную глину, чтобы создать часть этого рисунка на пифосе (HoB 57). (© Археологическое исследование Сардиса / Президент и стипендиаты Гарвардского колледжа).

Пифос первой половины VII века до Р. Х. Киклада. [Примечание переводчика].

Ремонт и повторное использование лидийской керамики

Лидийцы нашли способы повторного использования треснувшей или разбитой керамики. Иногда целью было отремонтировать повреждённые горшки, чтобы иметь возможность продолжать использовать их по-прежнему, хотя в этом случае использование жидкого содержимого исключалось. Пифосы (HoB 216), а также другие формы (HoB 338, HoB 765, PC 112) имели отверстия по краю разлома (рис. 1.7) для скрепления деталей кожей, тканью, свинцовыми полосками или, в случае с гидри́ей с волнистыми линиями, тремя металлическими скобами, которые были найдены на месте в её основании (HoB 522).

Рис. 1.7. Фрагмент мраморного скифоса (PC 112) с тремя отверстиями для ремонта вдоль сломанного края справа.

В другом случае блюдо с ножкой было сглажено в том месте, где ножка отломилась, чтобы его можно было использовать как тарелку без ножки (PC 74).

В качестве альтернативы были найдены новые способы использования фрагментов разбитых горшков, которые полностью отличались от первоначального назначения. Примером такого рода повторного использования было превращение горлышек амфор или гидрий в подставки для горшков (см. рис. 1.2).

Уже было показано, что осколки керамики, особенно омфалосы мезомфалиевых чаш, а также фрагменты любых других видов горшков, были вырублены для использования в качестве пробок или игровых фигурок (см. рис. 1.3). В некоторых из этих предметов просверлены центральные отверстия, возможно, для повторного использования в качестве веретенообразных

завитушек. Дополнительные фрагменты, которые, по-видимому, использовались для других целей, – это переделанные ножки разбитой посуды (HoB 511 – HoB 514, HoB 737 – HoB 739) или сломанная ножка скифоса (HoB 517), из которых могли бы получиться хорошие пробки или, возможно, игрушки. Ножка чаши из серой керамики, PC 65, была специально вырублена и тщательно отполирована для использования в качестве пробки или крышки. Сломанный обод и ручка, возможно, были обрезаны, чтобы сделать игрушечное животное для ребенка.

Материалы для посуды

Местная лидийская глина слюдянистая, а слюда имеет характерный золотистый цвет.[34] Глина также содержит значительное количество оксида железа, который отвечает за красноватый цвет большей части керамики. Серая посуда – это тот же материал, но обжигаемый в восстановительной, а не окислительной атмосфере.

Лидийская керамика изготовлена из четырёх основных типов материалов:

1) Посуда для приготовления пищи: изготовлена из грубой смеси глины и различных минеральных веществ (компонентов) с высокой долей очевидных включений кварца.
2) Хлебница: изготовлена из грубой смеси глины с тальком, сланцем и крупными кусками слюды, но с небольшим количеством включений кварца.
3) Грубая посуда: изготовлена из того же материала, что и большая часть лидийской керамики, только толще и менее качественно обработана. Используется в основном для изготовления пифосов.
4) Изысканные изделия и посуда: изготавливаются из тонкоизмельчённой глины, включающей только естественно высокое содержание

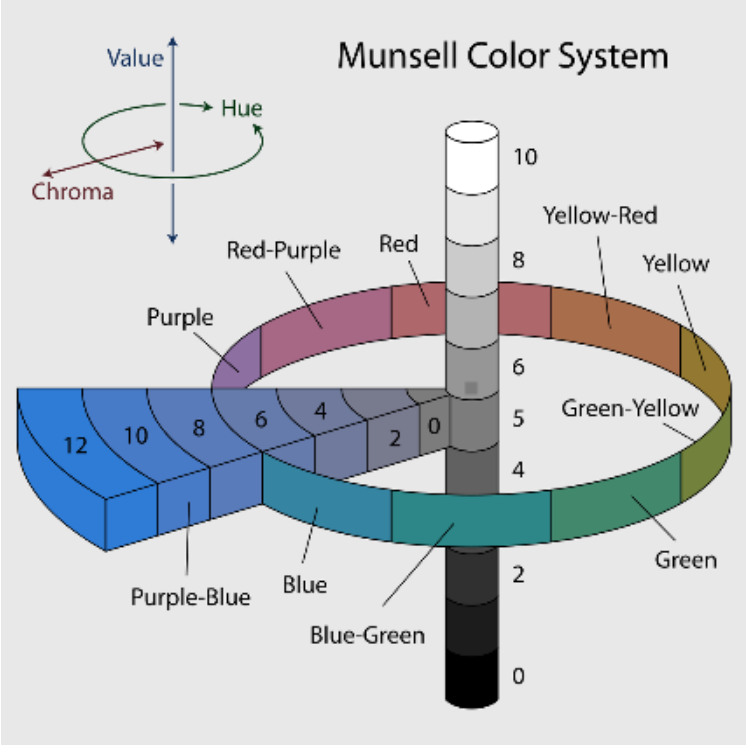
[34] В Гордионе слюда золотистого цвета, которая помогает отличить лидийский импорт от местных изделий, использованных с использованием лидийских материалов. См. Гюртекин Демир 2007, стр. 48.

мельчайших хлопьев слюды, распространённых в глинах этого региона.

В эту категорию входят изделия серого, красного и желтовато-коричневого цвета, а также расписная керамика.

Цвета глиняных изделий, а также краска или пластинки (которые имеют более тонкую консистенцию, чем у глиняной массы), используемые для украшения поверхности, довольно однородны для многих различных категорий лидийской керамики, описанных здесь. По этой причине мы не присвоили каждому изделию номер Манселла при его описании.[35]

Вместо этого мы провели несколько измерений в полевых условиях, чтобы получить типичный номер Манселла или, иногда, диапазон для некоторых отдельных изделий или декоративных схем, и это номера Манселла, указанные здесь в обзоре керамики. Многие классы импортной керамики имеют типичные цвета корпуса и отделки, и эти цвета часто являются причиной их атрибуции. Однако количество случаев изменения цвета после обжига делает невыборочное приведение чисел Манселла сомнительным.

[35] Это относится к системе, используемой для объективного определения цвета грунта или почвенного продукта путём присвоения отдельных числовых значений трём компонентам, которые образуют цвет образца: цветности, значению [, измеренному вертикально на основном цилиндре от 0 (чёрный) до 10 (белый)] и оттенку. Корпорация Коллморген, Балтимор, Мэриленд выпускает в виде отдельной брошюры листы, соответствующие цветам неглазурованной керамики. Показания были взяты на открытом воздухе в тени.

Грубые изделия

Посуда для приготовления пищи

Номера Манселла: чёрный: N3.5, иногда с коричневатой сердцевиной; красный: 5YR 5/4

В посуде для приготовления пищи глиняная основа шероховатая и полна включений кварца. Обычно он чёрный и довольно тонкий, хотя встречается и красная разновидность; цвет и поверхность часто изменяются из-за огня, которому он подвергался во время использования.

Хлебница

Номера Манселла: красный: 2,5YR5/4 (core 5YR4/1,5); от тёмно-красновато-серого до коричневато-серого: 2,5YR4/6

Связь формы и материала ещё теснее в случае с хлебницей, поскольку из неё неизменно изготавливается только одна форма: все хлебницы сделаны из материала для хлебниц. Этот материал ещё грубее, чем кухонная посуда, и имеет крупные включения слюдянистого сланца, что видно на фрагменте чаши, сделанной из хлебницы (HoB 88). Поскольку изделия только слегка обжигаются, они имеют тенденцию распадаться в воде. Цвет обычно «бледно-красный» (номер Манселла: 2,5YR6/2).

Верхняя рабочая поверхность сглажена так, что видны только несколько включений, потому что потенциальные пустоты между плоскими кусочками слюды заполнены глиняной массой. Нижняя сторона, напротив, остаётся шероховатой, так что часто можно увидеть следы поверхности, на которой было изготовлено изделие.

Сырье для изготовления хлебницы, по-видимому, поступало из района примерно в 25 километрах к северо-западу от Сардиса, где горные породы богаты соединениями магния, а не кварцем. Смесь глины, промежуточная между крупной и мелкой, содержит в качестве включений более мелкие крупинки.

За исключением упомянутых минералов, лидийцы, по-видимому, не использовали много те́мперы в своей керамике, хотя она встречается и в других керамических изделиях, таких как гири для ткацких станков (HoB 645), саркофага и стенки печей. Иногда находят прекрасную посуду лидийского происхождения, но без слюды в составе, как будто лидийская имитация греческих стилей иногда простиралась не только на отделку, но и на материал.

Пифос

Пифосы, очень большие кувшины (HoB 463, HoB 632), которые часто закапывали в землю и использовали для хранения (рис. 3.7, 6.23), обычно изготавливались из обычной красной глины без дополнительной закалки. Пифосы часто подвергались неполному окислению, в результате чего в стенах остается значительное количество серого налёта, толщина которого часто составляет около 0,02 м.

Столовая посуда

Монохромная керамика

Наиболее распространенные цвета корпуса лидийской посуды – серый, светло-коричневый (охристый) и красноватый. Глину часто использовали в ином качестве – в качестве шликера[36], тем самым придавая более интенсивный цвет как для общей окраски поверхности, так и для украшения. Лабораторные тесты продемонстрировали идентичную природу скользящей поверхности и глиняного тела, равно как и местное происхождение глины.

Серая посуда, а также посуда цвета кожи буйвола

Числа Манселла:

Серая посуда: Корпус: N5.5, 5Y 6/1 (зеленовато-серый). Поверхность: N7.5, N4, 5Y 5/1

[36] Шликер – смешанная с водой и подкрашенная глина.

Посуда цвета кожи буйвола: Корпус: 7,5 YR, 6/6. Поверхность: 7,5 YR 7/4

В лучшем исполнении серая посуда имеет светлую, серебристую, скользкую и полированную поверхность, а корпус окрашен в однородно серый цвет по всей поверхности (НоВ 18). Блестящее покрытие, выглядящее металлическим, на некоторых примерах на самом деле является серебристой краской (НоВ 68). Посуда подвергалась полировке и доводке с помощью твёрдой кожи. Серая посуда тесно связана с тем, что обычно называют «эолийским букхеро», например, была найдена в Ла́рисе на Гермосе, Байракли́ и в Терми на Лесбосе, но на самом деле эта посуда принадлежит скорее к западноанатолийской традиции, чем к греческой. Иногда встречаются пограничные случаи, когда трудно определить, что является грубой серой посудой в отличие от довольно тонкой.

Монохромная керамика из античной Трои. Художественный музей. Берлин. [Примечание переводчика].

Цветовые вариации в желтовато-монохромном цвете можно найти на более ранних уровнях. Возможно, что в ранние времена желтовато-коричневый цвет не был преднамеренным, а, возможно, был результатом перегрева серой посуды.

Изделия цвета буйволовой кожи не ограничены какой-либо одной формой или размером и в значительной степени перекликаются с раскрашенными формами. Мезомфалиевые чаши и блюда с ручками-катушками, которые связаны с металлическими прототипами, и чашки с острыми зубцами чаще встречаются в серой посуде (HoB 185 – HoB 186, HoB 188 – HoB 189), чем в жёлтой (HoB 187). Украшение может состоять из насечки в виде неглубоких канавок вокруг горшка или клейма с круглыми или треугольными узорами.

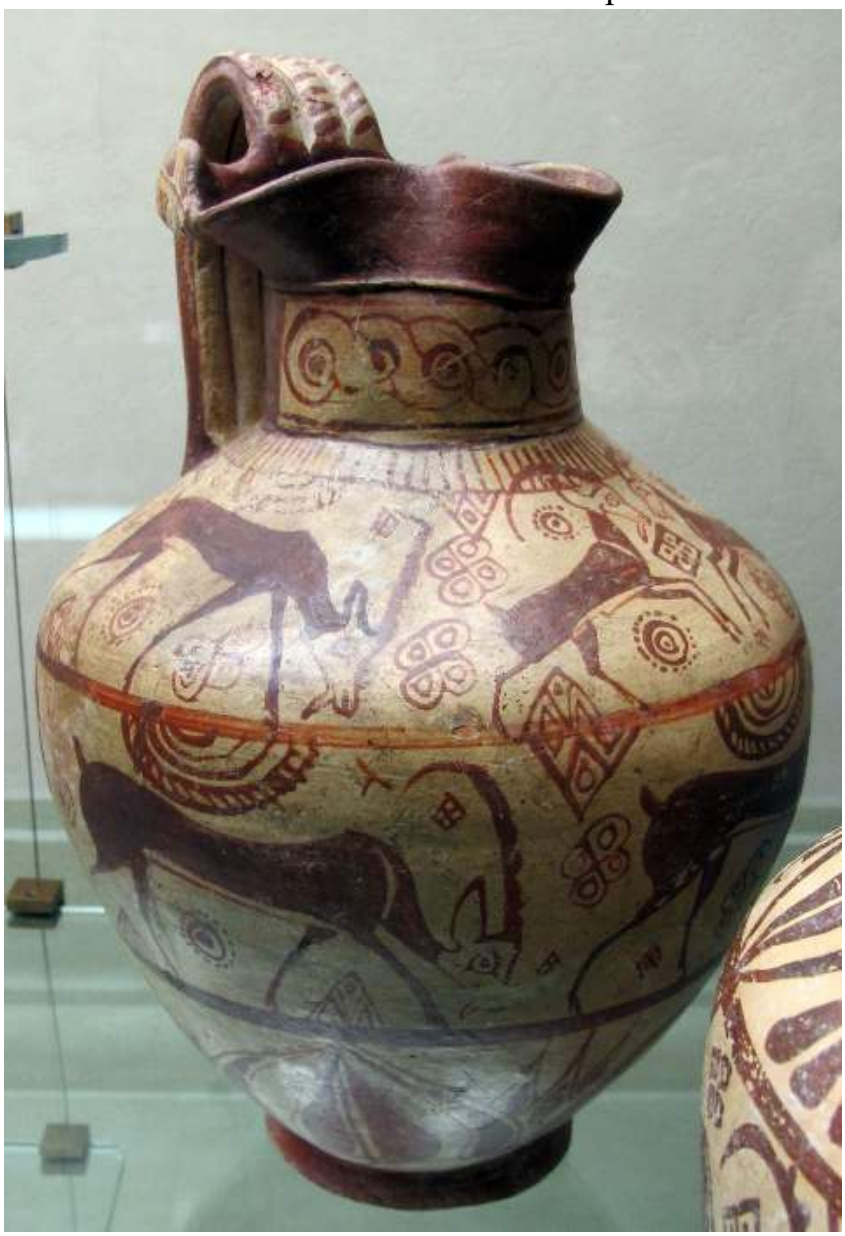
На самом раннем уровне, в позднем бронзовом веке, посуда бурого цвета была наиболее распространённым монохромным цветом. Серая посуда встречается на всех уровнях, начиная с позднего бронзового века и заканчивая I лидийским (начало VI века), когда она иссякает, но особенно распространена в VIII и начале VII веков до Р. Х. Тщательное выравнивание, насечка или декор в виде клейма являются нормальными для монохромных изделий; лидийцы использовали большое количество декоративной обработки поверхности для своей керамики. Отделка может варьироваться от ручной полировки (HoB 399, HoB 561), на которой всё ещё видны следы полировального инструмента, до «мокрой» (HoB 752), на которой нет следов от кисти.

Изделия с золотистой пылью

Посуда с золотистой пылью может иметь шероховатый корпус, но её поверхность покрыта мелкой слюдой, которая придает ей золотистый оттенок (PC 138, HoB 730). Хотя она и не распространена, это особый тип монохромной посуды.

Расписная керамика

Бóльшая часть лидийской керамики, за исключением грубой посуды и основной части пифосов, была тем или иным образом украшена. Использование нескольких цветов часто добавляет разнообразия, но до второй половины VIII века большая часть керамики была серой или монохромной, и

лишь небольшое количество расписной посуды встречается на более ранних уровнях. Для расписных горшков геометрические узоры в сочетании с протогеометрическим синтаксисом были обычным явлением до второй половины VII века, когда лидийцы живо адаптировали восточногреческий стиль «Диких коз», который они изменили по своему вкусу, стал доминирующим.

Оинохое в стиле «Диких коз», Родос, ок. 615-600 гг. до Р. Х. [Примечание переводчика].

В лидийские столовой посуде обычно используется система «тёмное на светлом». Чёрный или пурпурно-коричневый цвет характерен для более сложных декоративных мотивов; красный и белый чаще всего используются в качестве фона или для простых полос и заполнения пространства. Необычной особенностью большей части лидийской керамики является использование

марганцевой краски для получения тёмных (чёрного, коричневого, пурпурного) цветов. Это позволяло гончару добиваться как красного, так и тёмного цвета за один окислительный обжиг. Белый слип[37] в целом имеет тенденцию быть довольно толстым, как своего рода грунт (HoB 289), что создает сильный контраст с тёмным шоколадно-коричневым, излюбленным в конце VIII века; он осветляет красные тона, характерные для более сложных узоров сопутствующих мотивов, которые раньше назывались «фригийскими». Однако, белый [слип] белых бихромических изделий VII века – тонкий и неуловимый, хотя в конце VII или начале VI века вновь используется густой белый с добавлением точек или полос. Яркий эффект сохраняется на некоторых более поздних мраморных поверхностях и многих архитектурных терракотовых изделиях, химический состав которых схож с керамикой (PC 55). Более поздние белые полосы или точки на неровных поверхностях часто недостаточно непрозрачны. Другие влияния, особенно на нанесение чёрного на красное, несомненно, произошли от анатолийской практики железного века, которая простиралась на восток до Тарса и, возможно, имела корни на Кипре или Ближнем Востоке.

Большая часть наименований декораций горшков (но не их химический состав) была заимствована из греческих протогеометрических стилей. Одним из важнейших критериев датировки, а также инструментом оценки торговых связей и художественного вкуса лидийцев является стиль и количество керамики, импортируемой из различных мест греческого мира. Вторичным подтверждением вкуса лидийцев к импортным стилям и подтверждением современного характера фактического импорта является широкое заимствование и адаптация греческих форм и декоративных узоров для местных изделий. Очевидно, что восточно-греческие и островные геометрические школы были важным источником. Было обнаружено одно или два предмета, которые могут быть с Эвбеи (HoB 281). Вполне вероятно, что в

[37] Слип – это глиняная суспензия, используемая для производства керамики и других керамических изделий.

конце VIII века переход к росписи многих домашних сосудов был вызван элегантными формами и четкими декоративными схемами, которые разрабатывали греческие гончары в Коринфе и Эвбее и которые попали в Сардис в качестве образцов.

Два фрагмента от больших чаш, найденных рядом друг с другом ниже уровня разрушения, показывают связь лидийской керамики с импортированной греческой. Первый – от большой геометрической чаши, относящейся к импортной греческой керамике, HoB 396, имеет группы вертикальных прямых линий и волнистых изгибов в отведённой метопальной зоне под ободком. Его «двоюродный брат» – HoB 395 – имеет точно такую же форму и декор, но изготовлен из местной лидийской глины. Это хорошая иллюстрация того, как местные гончары вдохновляются работами своих греческих соседей и копируют их.

[Оформление] чёрным по красному

Номера Манселла: корпус: 2,5 YR 5/6; красный слип: 2,5 YR 5/8; чёрная краска: 5R 5/2

Можно выделить несколько вариантов оформления чёрным по красному, хотя следует учитывать различия в обжиге горшков. Описание также используется для предметов, которые в точности повторяют декоративную схему, но имеют гораздо более жёлтый и коричневый оттенок декора. Вероятно, что изменение цвета происходит из-за условий захоронения, а не из-за особой формы украшения. В целом, все эти вариации представляют собой тёмную краску на более светлом глиняном фоне. Относительная популярность двух различных сортов чёрного на красном может когда-нибудь стать важной для хронологии, но в настоящее время ассортимент неточен. Одна разновидность имеет матово-красную глиняную поверхность с геометрическими узорами матово-чёрной или пурпурной краской, обнаруженная еще в начале IV Лидийского периода (HoB 159); её истоки можно проследить на востоке, через равнину Конья, вплоть до Киликии и

Кипра. Другая разновидность, мало чем отличающаяся от греческих традиций, – блестящий чёрный орнамент на красном фоне (HoB 122). Эта разновидность представляет собой меандровый узор, заштрихованный по диагонали.

Несколько блюд на ножках, оформленных чёрным цветом на красном фоне, с утёса Пактол, имеют сильное сходство с блюдами из другого сектора Сардиса, ВизФорта (см. рис. 2.2: № 23), расположенного на полпути к Акрополю с северной стороны.

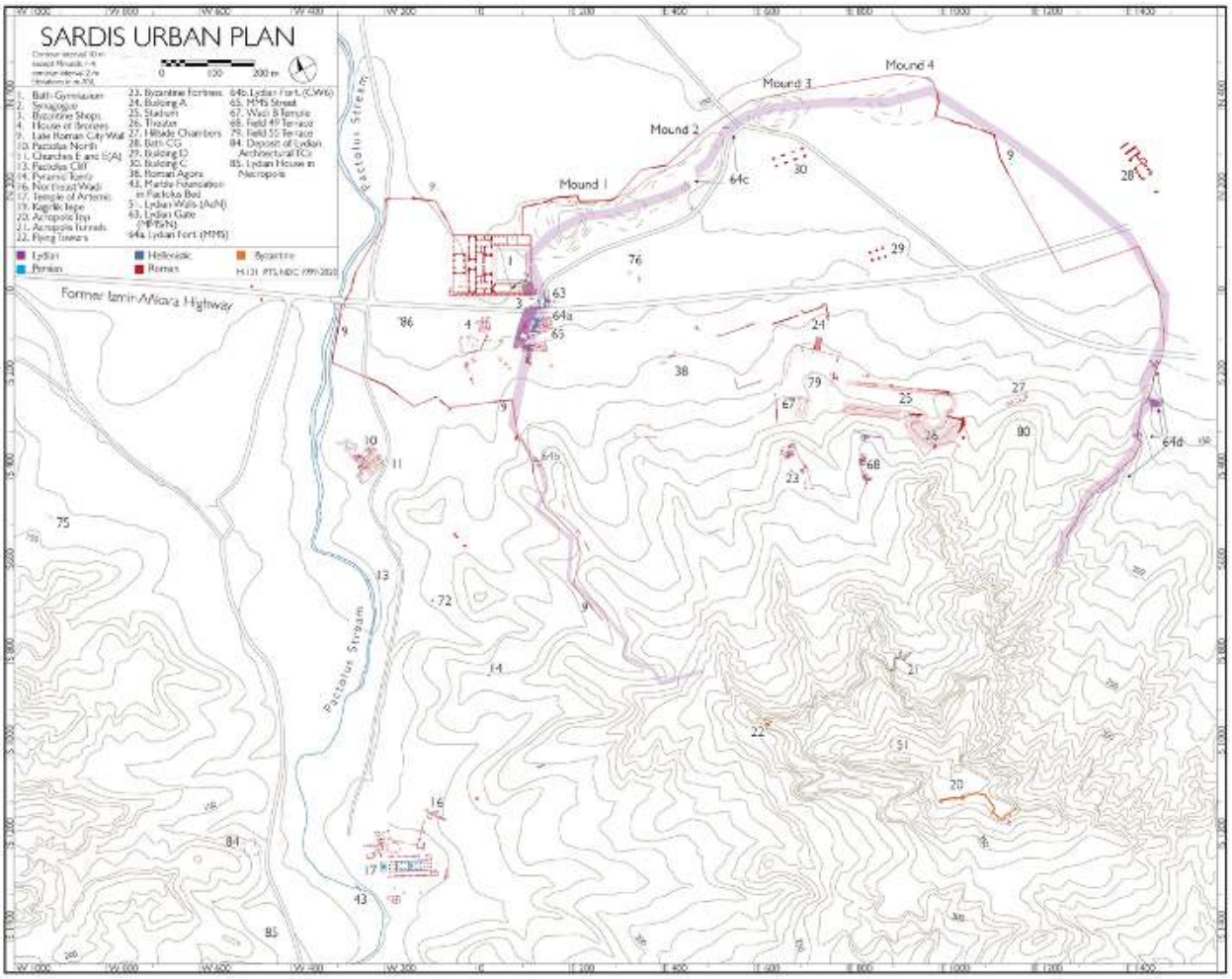

Рисунок 2.2. Городской план Сардиса.

Из глубокой ямы, вырытой в подвале недалеко от скал, было извлечено несколько блюд [оформленных] чёрным по красному, которые имеют не только тот же декор – с повторяющимися квадратами, нанесенными крест-накрест, – но и чашу той

Рисунок 1.8. Декоративные узоры лидийской расписной керамики. (Рисунок Кэтрин Александер, © Археологическое исследование Сардиса / Президент и стипендиаты Гарвардского колледжа).

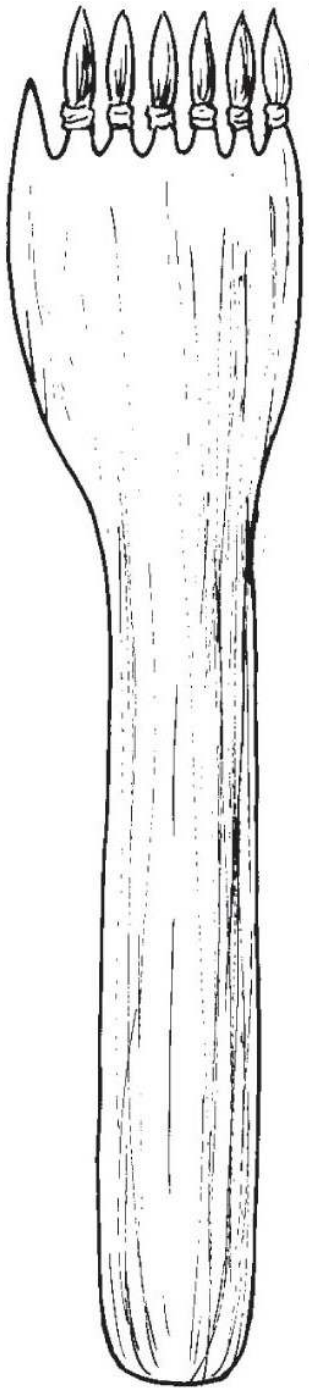
же формы, и плоский ободок, что и некоторые из PC (PC 26).[38] В этой группе чаши более плоские, чем на более поздних уровнях HoB, а ободок имеет

[38] Также PC 27 и PC 74. О форме см. *LATW*, стр. 478, № №. 92 и 93. Особенно одно блюдо, стр. 11.130 (пока неопубликованное), украшено точно такими же квадратами с перекрестными штрихами, как на PC 26 и PC 27. См. Гринволт, Ратте и Раутман, «Сардис, 1988 и 1989», стр. 27-31 и рис. 26; Гринволт, Ратте и Раутман, «Сардис, 1990 и 1991», стр. 24-27. Однако в этих статьях датировка фундамента и керамики приведена в седьмом веке, и теперь этот материал следует датировать значительно раньше из-за дальнейшего изучения и более поздних находок.

горизонтальный квадратный выступ. Судя по датируемому импорту из ещё одного сектора, Поля 49, эти блюда, по-видимому, относятся к ранним годам IV Лидийского периода, или IX века.

Наиболее частыми узорами (рис. 1.8) в Лидийском IV и III периодах являются концентрические стоячие или подвешенные полукруги (HoB 278), концентрические круги (HoB 179), перекрёстные квадраты (PC 26), перекрёстные меандры (PC 6), ложные меандры (PC 73), ромбы (HoB 179), треугольники (HoB 160), а также узоры в виде бабочек или двуручных топоров, также называемые противоположными треугольниками (HoB 146). Иногда квадраты заполняются волнистыми линиями (PC 81, PC 82), в то время как другой узор – шахматная доска (HoB 244). Большинство элементов этой посуды похожи на греческие протогеометрические узоры, и они обычно связаны схемами, знакомыми по восточно-греческим или аттическим школам конца VIII века.

Второй сорт, популярный в конце VII – начале VI веков, имеет насыщенный чёрный цвет на ярко-красной подложке и встречается на блюдах на ножках, тарелках и неглубоких чашах. Необычным по оформлению является кувшин с круглым горлышком, украшенный маленькими концентрическими кругами (HoB 331). У двухцветного кувшина определённо смелые и потрясающие крючки (HoB 625). Дизайн обычно включает концентрические полукруги и другие декоративные элементы, которые также можно увидеть в более тусклом чёрном цвете на красном фоне. Довольно богато украшенная разновидность этого стиля с тонкой подкладкой часто использует ряды прямоугольников с точками или короткими линиями, называемых «собачьими клыками» (HoB 675); в этот период появляются многочисленные разновидности меандров. Эти характеристики связывают рисунки в стиле «ефесской посуды» с «фригийским» декором, описанными отдельно ниже.

Чёрным по красному нарисованы концентрические круги и полукруги с помощью специального циркуля, к которому прикреплены несколько крошечных кисточек с одной деревянной ручкой (рис. 1.9). Обычно эта техника выполнялась художником круговыми движениями, используя заострённый каркас для кистей, как если бы это была ось циркуля. Однако внутренний круг часто бывает довольно маленьким и не подходит для этой техники, потому что это сделало бы круг слишком толстым. Ряд образцов керамики демонстрируют решение этой проблемы: нарисованные циркулем круги для всех, кроме внутреннего, который нарисован от руки. Это видно, например, на фрагментах тарелок, как с полукругами, так и с полукругами (PC 31, PC 109; рис. 1.10). Другим решением было изображение в центре капли, а не нарисованного от руки маленького круга (HoB 162, HoB 314).

Рисунок 1.9. Реконструкция многоствольной щётки, у которой было несколько насадок и твёрдый наконечник, который действовал как стрелка компаса. См. рис. 1.10–1.12. (Рисунок Кэтрин Александер, ©Археологическое исследование Сардиса/ Президент и стипендиаты Гарвардского колледжа).

Создавая свой рисунок вокруг чаши тарелки, художник шёл вперед, создавая свои концентрические полукруги, но было бы трудно заранее рассчитать пространство; иногда у него заканчивалось место, и в этом случае ему приходилось перекрывать полукруги на последней части декора (PC 74).

Рисунок 1.10. Концентрические круги были нанесены кистью с несколькими элементами для двух внешних кругов, но внутренние круги были нарисованы вручную. Точка в центре, сделанная твёрдым кончиком кисти с несколькими элементами, была выделена другой точкой. Фрагмент двухцветного блюда, PC 109.

Концентрические крючки, изготовленные таким же образом, но без завершающего изгиба, не появлялись в лидийской керамике до II Лидийского периода, когда их использовали для украшения днищ больших кувшинов (HoB 753; см. рис. 1.11 стр. 24-25). Высококвалифицированный художник мог вращать свою многокорпусную кисть (в данном случае одиннадцатью кистями на двухцветном фрагменте) с замечательным контролем (PC 97; рис. 1.12).

Рисунок 1.12. Подвесные крючки, сделанные несколькими кистями. Художник верхнего фрагмента взял кисть посередине, а затем продолжил изгиб. Нарисованный орнамент на нижнем фрагменте был выполнен одиннадцатью кистями.

Внешняя кисть часто бывает самой толстой, чтобы смочь вместить больше краски, чем внутренние кисти (потому что внешней кисти предстояло пройти дальше, чтобы завершить круг). Некий талантливый художник намеренно добавил ещё один изгиб и остановился на полпути, чтобы взять кисть и ещё раз окунуть её в краску, прежде чем продолжить изгиб до его завершения (PC 51; рис. 1.12). Одна из его кистей была толще других, что создает неравномерный эффект в дизайне. Здесь видна центральная точка, которая сделала небольшое углубление в глине. Другой пример с неравномерным рисунком – HoB 620, где две кисти были расположены слишком близко друг к другу; на некоторых крючках краска выглядит так, как будто её наносили одной толстой кистью, а не двумя отдельными.

Многоэлементная кисть также используется для нанесения перекрестий на квадраты и прямоугольники, а также для волнистых линий. На PC 81 и PC 82 шесть вертикальных волнистых линий были размещены внутри чередующихся квадратов, образуя большой «шахматный узор».[39] Иногда художник перемещал свой инструмент вверх и вниз таким образом, что получался эффект, скорее напоминающий узор из вязаных стежков, как показано здесь кистью с пятью наконечниками (PC 63; рис. 1.13, 1 ч.).

Рисунок 1.13. (1 ч.). Фрагмент, оформленный чёрным по красному с волнистыми линиями, нанесенными несколькими кистями (PC 63).

[39] В том же районе были обнаружены ещё девять фрагментов чёрно-красных тарелок.

Сравните это с черепком, выполненным исключительно аккуратно кистью с семью наконечниками на фрагменте, найденном первой экспедицией в Сардис в начале прошлого века (рис. 1.13, 2 ч.).[40]

Рисунок 1.13. (2 ч.). Черепок мастера живописи из Сардиса в музее Метрополитена, Нью-Йорк (справа). (Музей Метрополитена 26.199.232, дар Американского общества за раскопки Сардиса, 1926).

Разные художники, одни высококвалифицированные, другие менее искусные, по-разному обращались с кистью. Наблюдения, подобные этим, показывают, что даже по самым скромным черепкам можно узнать, как были украшены предметы и как работал художник.

[40] Первая экспедиция на Сардис проводилась под руководством Говарда Кросби Батлера. [Годы жизни 1872-1922. Руководил пятью сезонами археологических работ в Сардисе с 1910 по 1914 год, прерванными Первой мировой войной. – Примечание переводчика]. Черепок был найден в 1914 году и находится в Музее искусств Метрополитен, Нью-Йорк, регистрационный номер 26.199.232 (дар Американского общества раскопок Сардиса, 1926). Мы благодарны Джоан Р. Мертенс, куратору отдела греческого и римского искусства, за её помощь.

Коричневые (или чёрные) [орнаменты] на [изделиях цвета кожи] буйвола

Номера Манселла: Корпус богатый и хорошо сохранившийся: 2,5 YR 6/8–5/8; корпус более тусклый: 5 лет 5/4–4/6; краска: 10R 4/2

«Коричневый [орнамент] на [изделиях цвета кожи] буйвола» производится тёмной, пурпурно-коричневой краской на жёлто-коричневой основе, используемой для создания геометрических схем, подобных описанным в разделе «[Оформление] чёрным по красному». Разнообразие узоров, однако, невелико. Широко используются наборы параллельных волнистых линий, расположенных радиально между полосами на блюдах или кувшинах на ножках (НоВ 170). В целом геометрические схемы гораздо свободнее, чем в чёрно-красном варианте. Исполнение часто бывает более неуклюжим и не таким аккуратным, так что весь эффект получается менее изощрённым. Ранний железный век знаменует расцвет этого стиля; он выходит из моды в середине-конце VIII века.

Лидийский геометрический орнамент VIII века, выполненный чёрным или коричневым на [изделиях цвета кожи] буйвола, часто характеризуется меандрами, заполненными прямоугольной (в отличие от диагональной) штриховкой (РС 131; рис. 1.14). Это предпочтение довольно необычно, поскольку восточно-греческие гончары предпочитают диагональную штриховку. Вертикальная штриховка может быть разновидностью лидийской геометрической формы конца VIII века. С другой стороны, у нас также есть образцы, выполненные чёрным по красному с диагональной штриховкой внутри меандров: НоВ 504 и РС 3.

Рисунок 1.14. Лидийские фрагменты с нарисованными геометрическими узорами в виде меандров и, в одном случае, треугольников.

Бихромная [керамика]

Принцип, лежащий в основе описания предмета как «бихромного» или «двухцветного», заключается в том, что есть цвет фона, который не считается цветом, и по крайней мере два цвета добавляются для завершения украшения. Существует две бихромные разновидности: белая и красная.

Более ранний бихром имеет белую накладку на часть корпуса горшка (PC 115). Общий белый цвет обычно не используется, за исключением более поздних изделий, имитирующих восточно-греческую ориентализированную и эфесскую посуду. Обе группы используют широкую полосу белого цвета, которая во многом напоминает скрытый фон красного бихрома, описанный ниже. Один из них, должно быть, имел сошедшую теперь окраску, потому что во многих примерах от него почти ничего не осталось, кроме следов; другой – матовый и гладкий. Есть приблизительные хронологические указания на то, что более непрозрачный сорт является более ранним, вероятно, восходящим к IX веку; тот, что с менее хорошо сохранившимся белым цветом, наиболее популярен во II Лидии, во второй половине VII века. Красной бихром скрытно и сглажено используется в качестве фонового цвета корпуса горшка с добавлением рисунков в чёрном, красном и белом цветах (HoB 740). Популярным дизайном в красном бихроме является концентрический крючок, который уже рассматривался нами в разделе «[Оформление] чёрным по красному» (HoB 673 и PC 97).

Используемая нами терминология привела к значительной путанице. Зачем называть что-либо «двухцветным», когда оно явно имеет по крайней мере три цвета (включая фон)? Объяснение содержится в приведенном выше описании: двухцветность относится к двум (или более) цветам в дополнение к тому, который считается фоном.

Интересно, что в Сардисе есть две двухцветные работы одного и того же художника (рис. 1.15), но они были найдены в разных частях раскопок. Первый представляет собой фрагмент большого двухцветного кувшина (PC 29) из PC, а другой, меньший по размеру, с таким же необычным дизайном из

HoB (HoB 334). Тот факт, что они были найдены на большом расстоянии друг от друга, сам по себе интересен и показывает, что местные жители в разных частях города покровительствовали одному и тому же мастеру по изготовлению горшков.

Рисунок 1.15. Два двухцветных горшка с одинаковым дизайном, выполненные рукой одного и того же художника.

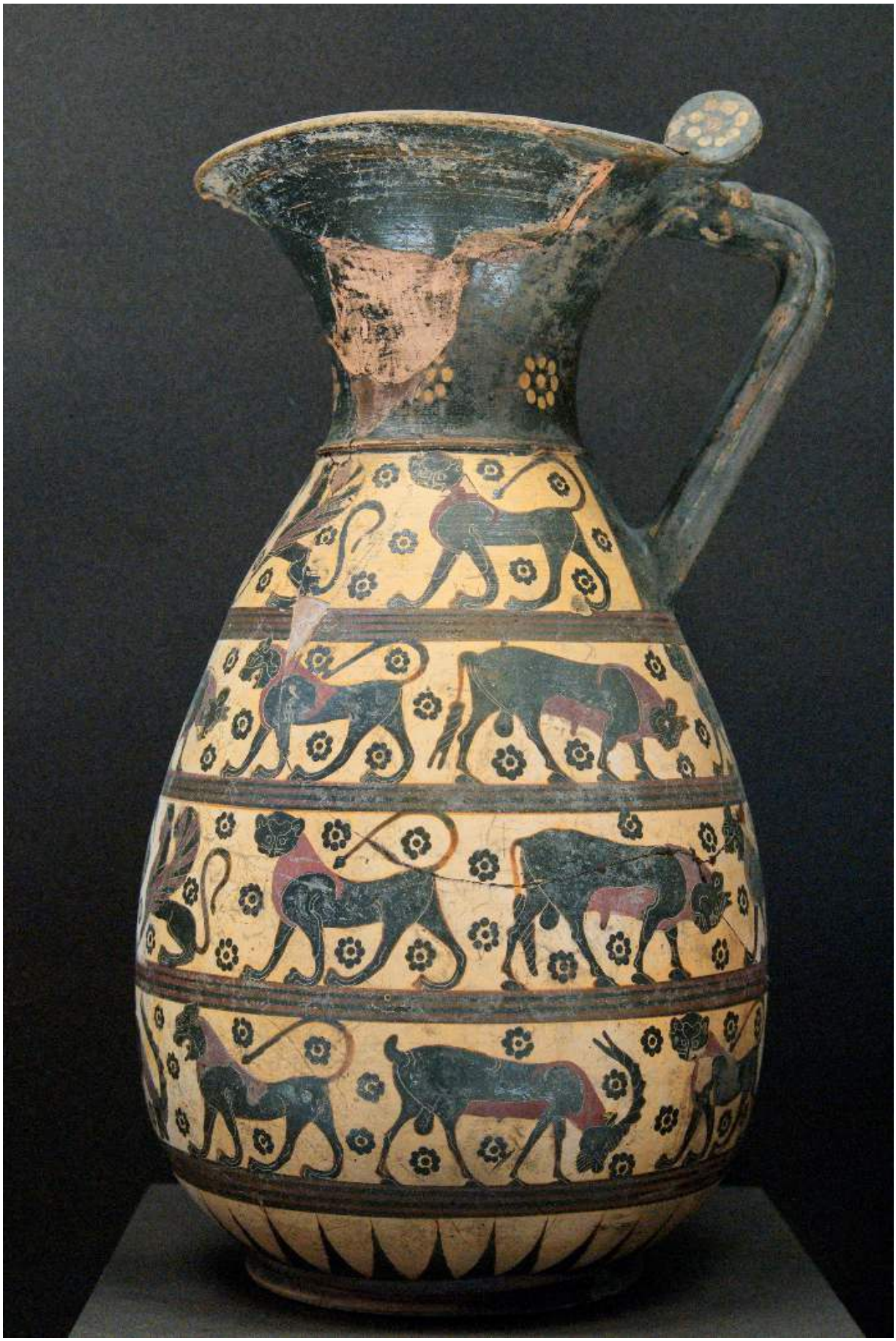
Античная киприотская бихромная керамика (750-600). Кипр, Саламин, археологический музей святого Варнавы [Примечание переводчика].

Лидийский ориентализирующий стиль

Восточно-греческий ориентализирующий стиль был популярным стилем в западной Анатолии примерно с середины VII века до конца VI. Его основные характеристики включают в себя белое покрытие по всей поверхности горшка в качестве основы для украшения, состоящего из чередующихся полос животных, как правило (но не исключительно) – диких коз, а также цветочных узоров и заполняющего орнамента (HoB 556). Восточно-греческие ориентализирующие изделия отличаются от большинства образцов из материковой Греции тем, что здесь чаще используются очертания, а не силуэт; и, кроме того, в стиле материковой Греции VII века обычно не используется белый грунт. В более поздних примерах используется надрез для уточнения деталей внутри фигурок. Ориентализирующая керамика представляет широкий класс со многими подкатегориями и центрами производства, и наше рассмотрение её здесь не является исчерпывающим исследованием. Дальнейшая археологическая и археометрическая работа значительно улучшит наше понимание различных товаров и их подкатегорий.

К. Х. Гринволт-младший назвал особый стиль керамики, обычно называемой в Греции «стилем дикой козы», «сардиссим стилем». Он описал его как розово-коричневую слюдянистую глину, покрытую слоем бело-кремового цвета. Для очертаний и заливки использована тёмная краска, а для некоторых деталей – тусклая пурпурно-серая. Красная краска используется в качестве подсветки, а также для нанесения пятен на животных, птиц, и заливочного орнамента. На местных изделиях изображены разнообразные животные, но основными сюжетами являются олени, собаки, козы и львы, как на потрясающем лебесе с белым грунтом и разноцветными животными (HoB 750). Стиль «смелый и уверенный, часто немного небрежный»[41].

[41] Гринволт 1970, стр. 58-59.

Ориентализирующая ольпа с изображением животных и сфинксов. Ок 650-630 гг. Лувр. [Примечание переводчика].

Как и в восточно-греческих образцах, предпочтительными формами лидийского ориентализирующего стиля являются кувшины, лебесы, блюда либо с низкой ножкой, либо с высокой ножкой, плоские тарелки и амфоры с круглой ручкой. Преобладающие цвета – чёрный, коричневый, пурпурно-красный и двухцветный с белым фоном. Декоративная схема кувшинов предполагает наличие ряда широких зон, образованных тонкими темными полосами, которые служат основой для чередования разнообразных видов, расположенных по окружности горшка.

В дополнение к обычному нахождению диких животных, здесь и там встречаются экзотические мифические звери, такие как сфинкс или грифон (НоВ 597), а также очаровательные рыбы (РС 39; рис. 1.16).

Рисунок 1.16. «Очаровательная» плавающая рыба на фрагменте ориентализирующего кратера (РС 39).

Фигуры людей отсутствуют. Обычно животные следуют друг за другом, нос к хвосту, но время от времени схема меняется, и один из них поворачивается лицом к преследователю. Не все животные находятся в

движении; многие козы и олени пасутся. Различные хищники принимают угрожающие позы, но в целом большинство презентаций больше напоминают живую картину, чем яркое повествование. Художники использовали разнообразный орнамент для начинки, в том числе ряд розеток и иногда птиц (HoB 660), а также множество небольших геометрических фигур, таких как треугольники, полукруги и свастики.

Ефесская посуда и «Фригианизация».

Два особенно ярких и привлекательных изделия по своей цветовой гамме напоминают лидийский бихром и ориентализированный стиль (с использованием сплошного белого покрытия) тёмно-коричневой краской с добавлением красного. Ефесская посуда наиболее известна по находкам Британского музея при раскопках Храма Артемиды в Ефесе в первые годы XX века; многое другое было найдено австрийскими археологами при повторном исследовании этого места, особенно возле архаичных алтарей перед храмом. Посуда отличается богатым тёмно-коричневым декором поверх ярко-жемчужно-белого слипа, обычно украшенного дополнительными красными красками. Узкие концентрические коричневые полосы, прерванные белыми квадратами, являются обычным явлением, как и точки внутри них. Этот стиль следует включить в общую категорию восточно-греческих ориентализирующих стилей; здесь ему уделяется особое внимание, поскольку он менее широко известен, чем многие ионические стили. Более того, это может быть местное, лидийское (а не ефесское) производство, и оно представляет собой переход между фригийской традицией и изделиями с использованием белого слипа восточно-греческих городов.

Некоторые предметы ефесской посуды были найдены в HoB (например, HoB 426), а также значительное количество имитирующих их с разной степенью успеха (HoB 611). Имитации, называемые ефесскими, могут даже представлять раннюю стадию их развития. Ефесская посуда обсуждалась Кроуфордом Х. Гринволтом-младшим, который предположил, что она,

возможно, была произведена в Сардисе, месте, для которого характерны как «анатолийские или конкретно лидийские, так и греческие культурные элементы». По мнению А. Рэймиджа и Майкла Кершнера, которые провели наиболее подробную работу по изучению происхождения, свидетельства в статье Гринволта и результаты дальнейшего стратиграфического и аналитического исследования дают веские основания для анатолийского происхождения этих изделий, и для Сардиса как главного центра производства.

«Фригианизация» – это общепринятый и весьма неточный термин, часто используемый Свифтом и другими для описания геометрических узоров в миниатюрном стиле, которые чаще всего встречаются на блюдах, тарелках и ножках. Сейчас мы перестали использовать этот термин, но продолжаем признавать связь лидийской керамики с ее источниками в Гордионе и других фригийских памятниках. Среди местных лидийских изделий встречается ряд явно фригийских форм, таких как кружка с носиком и чаши с золотниковыми ручками (HoB 297), а также кувшин с круглым горлышком (HoB 331). Но теперь мы должны рассмотреть, действительно ли эти отношения были настолько тесными, поскольку в Сардисе до сих пор не обнаружено идентифицируемой фригийской керамики.[42]

Наиболее отличительной чертой «фригийского» декора является использование тонких разделительных линий для формирования небольших квадратов, которые затем заполняются косыми крестами (сальтирами) и точками. Слип обычно бледный, но не такой белый, как у эфесской группы. По этой причине, хотя организация рисунков во многом одинакова, были выделены два вида изделий. Иногда термин «белый слип» использовался, чтобы обойти вопрос о происхождении. Полное исследование взаимосвязи греческой, лидийской и фригийской керамики еще предстоит написать, хотя за последние годы был достигнут огромный прогресс. На данном этапе

[42] Кеалхофер, Грейв и Марш (2013) не выявили каких-либо явных импортных изделий из Гордиона среди широкого разнообразия нелокальной архаичной керамики, которую они отобрали в Сардисе.

название не следует воспринимать как признание приоритета фригийского языка. По-прежнему нет оснований настаивать на том, что этот миниатюрный стиль имеет фригийское происхождение, но продолжающееся изучение посуды с белой росписью позволяет предположить, что это местная анатолийская традиция.

Полосатая, окаймлённая и мраморная [посуда]

Первые две категории часто объединяются, потому что часть горшка может быть полосатой, а часть окаймлённой. Когда используется полосатая, это подразумевает определенное намерение со стороны гончара. То есть декоратор намеренно использует общую цветовую гамму и стремится к вариациям цвета, плотности и тона, получаемым за счет различной консистенции краски и загрузки кисти (см., например, HoB 753; рис. 1.11). С этими техниками связана волнообразное оформление кувшинов для воды, нижняя часть которых украшена либо прожилками, либо полосами (HoB 522). Использование полосатой краски для достижения желаемого эффекта наиболее распространено в конце VII – VI веках и, по-видимому, является сугубо лидийским феноменом.

Некоторые довольно толстые окаймления имеют тот же вид, что и полосы, и горшки более ранних периодов можно было бы точно описать как полосатые, но не полосчатые. Решить, является ли нанесение полосчатой глазури преднамеренным или нет, легче с помощью полосчатого декора, чем с общим покрытием. В этом нет смысла для групп, где основной целью является отделение одной зоны от другой; таким образом, там, где это появляется, это должно быть сделано целенаправленно. Напротив, там, где в качестве общего покрытия используется полосчатая глазурь, можно сказать, что очевидной целью была текстура.

Прожилки чаще всего встречаются на скифосах, часто с выделенной полосой по краю (HoB 722 – HoB 724), на маленьких кувшинах, иногда в сочетании с язычками, образующими зависимое кольцо вокруг выступа (HoB

759), и на кратерах колонн. Оформление скифосов и кратеров иногда оживляется добавлением белых полос или рядов точек. Существует тенденция к тому, что посуда с красными и чёрными прожилками становится намного более блестящей, чем обычно, а корпус часто намного твёрже. Оба состояния являются результатом обжига при более высокой температуре и часто указывают на более позднюю дату – VI век.

Особенно привлекательную вариацию техники можно найти в «мраморной» посуде, которая меняет обычно горизонтальные линии стандартных полос, создавая эффекты, подобные узорам на пёстрых камнях. Иногда мраморные украшения наносят вертикально на горшок (рис. 1.7), а иногда они скорее выглядят как маленькие округлые завитушки, которые можно разместить снаружи или внутри скифоса. Мрамор бывает более грубого и тонкого помола, и в лучшем случае получается самый элегантный. Очевидно, что декораторы имитировали настоящий камень (оолитовый известняк) с этим особым рисунком, как показывает сравнение с реальными образцами. Не совсем ясно, могут ли более простые образцы мраморности быть связаны с отдельными разновидностями минерала, но, по крайней мере, какая-то связь вероятна. Использование цветных или пёстрых камней, таких как яшма, для изготовления чаш или тарелок, найденных в Сардисе, Икизтепе[43], Даски́лионе[44] и Персе́поле, подтверждает этот вывод.

«Окаймлённый» – это категория, подобная «Полосатому», которая иногда относится к украшению целого горшка, но чаще используется в процессе сортировки для описания более мелких кусочков, которые явно не относятся ни к одной из четко выделенных категорий. Таким образом, предмет с чёрными полосами на самом деле может быть взят с сосуда с двухцветным декором в другом месте, или это может быть часть гидри́и с волнистыми линиями (HoB 410). Термин «полосатый» не используется для обозначения

[43] Икизтепе (тур. «курганы-близнецы»). Место археологических раскопок в Бафре (Турция), в дельте реки Кызылырмак (тур. «Красная река»), недалеко от Чёрного моря.

[44] Даски́лион – древний карийский город, расположенный недалеко от Ефеса.

чёрного на красном или коричневого на желтовато-коричневом, даже если на изделии есть полосы.

***

Оформление лидийской керамики тесно связано со схемами, разработанными как в Греции, так и в Анатолии; но местные гончары и гончарные художники Сардиса имели свой собственный характер, создавая декоративные программы, часто основанные на живых геометрических узорах, которые они комбинировали множеством творческих способов. Концентрические полукруги и крючки, треугольники, ромбы, зигзаги, извилины и, начиная с VII века, – животные, розетки, точки и так далее, обычно наносятся с тонким расчётом на форму горшка. Яркие цвета красок и накладок в сочетании с эффектным дизайном вызывают у зрителя восхищение местным лидийским стилем.

Лека́на (ок.600 г. до Р. Х.), измирский археологический музей [Примечание переводчика].

Часть I. Лидийские раскопки – Сектор НоВ

Эндрю и Нэнси Реймидж

Глава 2. Введение

Рисунок 2.1. Общая карта Турции и Греции с указанием мест, упомянутых в этой книге. (Карта Лаурали Бротт, © Археологические исследования Сардиса / Президент и стипендиаты Гарвардского колледжа).

Сардис, столица Лидийского царства, стал одним из величайших городов древности. Расположенный примерно в 80 километрах (50 милях) вглубь материка от Эгейского моря (рис. 2.1), в долине реки Гермус, он мог похвастаться высоким, крутым и пригодным для обороны холмом, который служил укреплённым Акрополем [т. е. возвышенной и укреплённой частью города] (рис. 2.2). К западу лежал более округлый массив песчаного конгломерата, который впоследствии станет холмом Некрополя. Его расположение ниже гор древнего Тмолуса (современный Боздаг) на юге и равнины реки Гермус на севере позволило лидийцам владеть разнообразными и плодородными землями, которые способствовали развитию вали сельского хозяйства, необходимого для прокорма растущего населения (см. рис. 2.7).

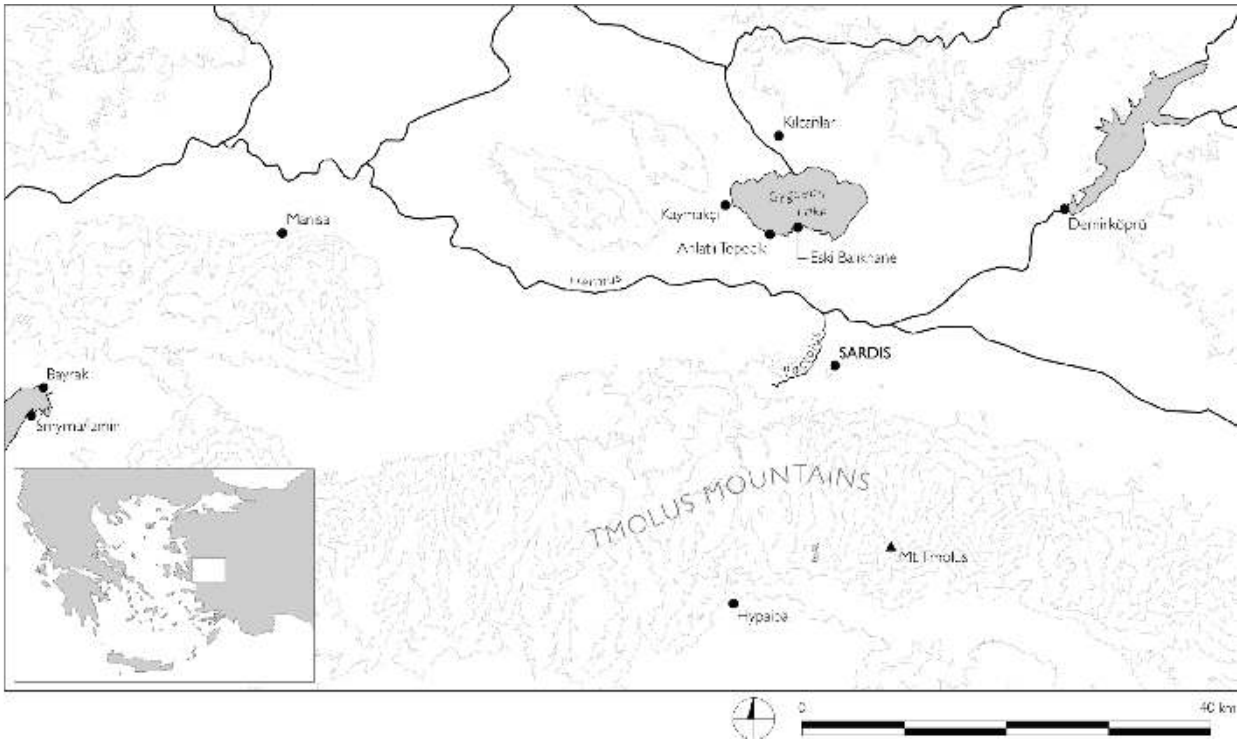

Рисунок 2.7. Карта центральной Лидии. (Карта Лаурали Бротт, © Археологическое исследование Сардиса / Президент и стипендиаты Гарвардского колледжа).

Хотя Сардис возник как одна из скромных деревень в этом районе, он достигал всё больших размеров и богатства, прославившись в греческих литературных источниках VI – V веков до Р. Х своей роскошью: золотом, текстилем и лошадьми.

Лидийцы как народ были малоизучены до исследований Гарвардско-Корнелльской экспедиции, начавшейся в 1958 году. Но местоположение Сардиса было признано с тех пор, как Кириак Анконский посетил его в середине XV и записал найденные там надписи.[45] Другие ранние путешественники, такие как Роберт Вуд,[46] Джованни Баттиста Борра,[47] К. Р. Кокерелл[48] и Томас Аллом[49], также писали о своих наблюдениях и делали рисунки на протяжении веков; но Говард Кросби Батлер из Принстонского университета был первым, кто начал систематические раскопки в городе. Проводя раскопки между 1910 и 1914 годами, он сосредоточился на Храме Артемиды и гробницах Некрополя. Однако именно при Джордже М. А. Ханфманне из Гарварда начались раскопки на более ранних уровнях города, которые продолжаются по сей день.

Раскопки, являющиеся предметом части I этого тома, проводились на участке земли, названном в честь большого здания – «Дома Бронзы», найденного неподалеку (рис. 2.2: № 4, стр. 49 и рис. 2.4). Лидийские уровни в этом районе были раскопаны в большинстве сезонов между 1960 и 1970 годами, а в более мелких кампаниях – в 1983, 1984 и 1985 годах. В этой книге термин «Дом Бронзы» без каких-либо других уточнений будет применён к настоящему позднеримскому дому. Раскопки позднеримского здания послужили толчком к раскопкам на лидийских уровнях, когда под Домом Бронзы были обнаружены более ранние останки. Лидийские находки, обнаруженные в этом районе, были сразу признаны раскопщиками важными

[45] «Итальянского торговца и гуманиста Кириака Анконского (ок. 1391–1452) иногда называют «отцом классической археологии» … Большую часть своей жизни Кириак посвятил поискам новых древностей и совершил несколько путешествий по Средиземноморью. Он посетил и открыл несколько археологических памятников и написал о них в своём дневнике, в который также скопировал сотни надписей и включил рисунки памятников. Он также собрал большое количество медальонов, статуэток и рукописей. Всю информацию, которую собрал Кириак, он собрал в шесть книг. Они погибли во время пожара в 1514 году. Однако некоторые его тетради и копии сохранились» [https://vk.com/wall-3073135_505382, дата обращения 25.07.2024. Примечание переводчика].

[46] Ирландский путешественник XVIII века.

[47] Итальянский рисовальщик и путешественник. Компаньон Роберта Вуда.

[48] Английский архитектор, архитектор и писатель XVIII века.

[49] Английский архитектор, один из основателей Королеского института британских архитекторов (XVIII век).

объектами, и аббревиатура "НоВ" (как сокращенное название сектора) использовалась для обозначения выработок в общей зоне, которые были начаты с раскопок настоящего Бронзового дома, но которые теперь относились к более ранним уровням Лидийских раскопок в НоВ’е.

Рисунок 2.4. Комплексный фазовый план Лидийских раскопок в секторе НоВ.

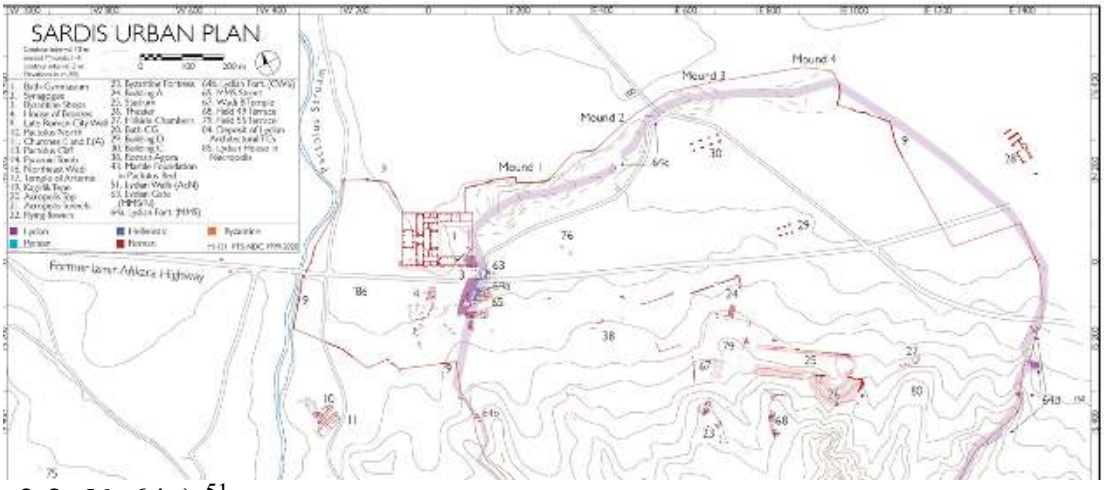
Как только было установлено, что уровни заселения Лидии находились ниже Дома Бронзы, возник большой интерес к выяснению того, насколько древнее это жилище. Поскольку открытая местность к югу от Дома Бронзы была свободна от римских построек, это дало прекрасную возможность выявить не только обширную экспозицию, но и стратиграфическую

последовательность, которая помогла бы прояснить хронологию спорадических находок ранней лидийской керамики, которые были обнаружены к настоящему времени.[50] Лидийские траншеи в НоВ'е приобрели форму грубого прямоугольника с линиями границ от E20 до W42 и от S80 до S130 на сеточном плане участка (см. Рис. 2.4).

Физическое описание объекта

Сектор НоВ образуют часть пологих склонов, которые простираются подобно широкой юбке примерно на 1200 метров к северу от акрополя, ниже отвесных скал и крупных отрогов изначального Третичного конгломерата, образующего скальную основу под городом Сардис. Собственно, НоВ находится примерно в 900-х метрах от высот Акрополя и примерно в 300-х метрах к востоку от нынешнего русла ручья Пактол.

С восточной стороны границу сектора образует невысокий холм, возвышающийся примерно на пять метров над общим уровнем земли. Долгое время считалось, что это естественный горный хребет, но исследования, проведённые с 1976 года, показали, что он образован из ядра и упавшей надстройки монументальной глинобитной городской стены VII века до Р. Х.

(рис. 2.2: № 64a).[51]

[50] Ранняя лидийская керамика в то время была малоизучена, главным образом потому, что многие лидийские находки, обнаруженные при раскопках Батлера, были найдены в могилах не ранее VII века.

[51] Предположение о том, что этот холм был искусственным и сложен из сырцового кирпича, впервые высказал Эндрю Реймидж во время дневной прогулки с Нэнси Реймидж.

Стена проходит на юго-запад, пересекает низкую седловину и переходит в крутой холм к югу от сектора НоВ. Этот холм возвышается в общей сложности примерно на 20 метров и является результатом римских работ по террасированию, которые были предприняты для размещения нескольких рядов домов на склоне, называемых Средними Восточными террасами и Средними Западными террасами (видны на рис. 3.2).

Рисунок 3.2. Самый южный выступ сектора НоВ, на S120. Восточная и Западная Средние террасы видны выше на холме.

Обширные разрезные траншеи на этом склоне не достигли коренных пород и выявили только смешанную римскую засыпку, которая, по-видимому, была намеренно насыпана, поскольку на разных уровнях было обнаружено необычно большое количество костей и черепков. Раскопки на вершине хребта рядом с поздней римской городской стеной неподалёку (рис. 2.2: № 9) также не выявили ничего, кроме римской засыпки. Мы предполагаем, что в лидийские времена тоже наблюдался подъём грунта, но степень наклона, безусловно, стала увеличенной в результате прочности глубоких римских фундаментов и массовых римских свалок.

Поверхность перед раскопками была относительно ровной и имела уклон всего около двух метров к северу, на площади около 300 квадратных метров, примерно от уровня *103 до *101.[52] Она была вспахана и использовалась как бахчевое поле, когда её впервые приобрели в 1958 году. Оказалось, что территория траншеи с трёх сторон окружена значительными позднеримскими постройками, но на ней самой не было ни одного сооружения, построенного позднее III века до Р. Х. Мы не знаем, почему эта большая площадь размером более 60 на 50 метров осталась открытой и немощёной в римский период, поскольку она не была ни кладбищем, ни, очевидно, складом товаров или других материалов. Безусловно, район НоВ был доступным и важным местом, поскольку он находился недалеко от Римского мраморного проспекта, проходившего через город по оси восток-запад, главной дороги, которая использовалась до недавнего времени.

Рисунок 2.3. Римские трубы (видны сзади справа) находятся чуть выше уровня лидийских руин и обращены на юг. Длинная стена в центре фотографии, на дальней западной стороне НоВ, представляет собой стену ограды Лидийского II уровня.

[52] Гарвардско-Корнелльская экспедиция использовала несколько систем отсчёта для привязки уровней, на которых были обнаружены археологические объекты; для сектора НоВ это «базовая точка В», которая ссылается на конкретную точку, предположительно имеющую произвольную высоту 100 метров. Эта система и другие, использовавшиеся на этом месте, подробно описаны в Сардисе R1.

Главными признаками римской деятельности на данной территории являются терракотовые водопроводные трубы, которые проходят поперёк траншеи и располагаются непосредственно над лидийскими останками (рис. 2.3).[53] Мы пока не знаем, обслуживали ли они весь нижний город на северо-востоке или большинству из них было предназначено снабжать Банно-гимнастический комплекс на севере.

Топография Сардиса

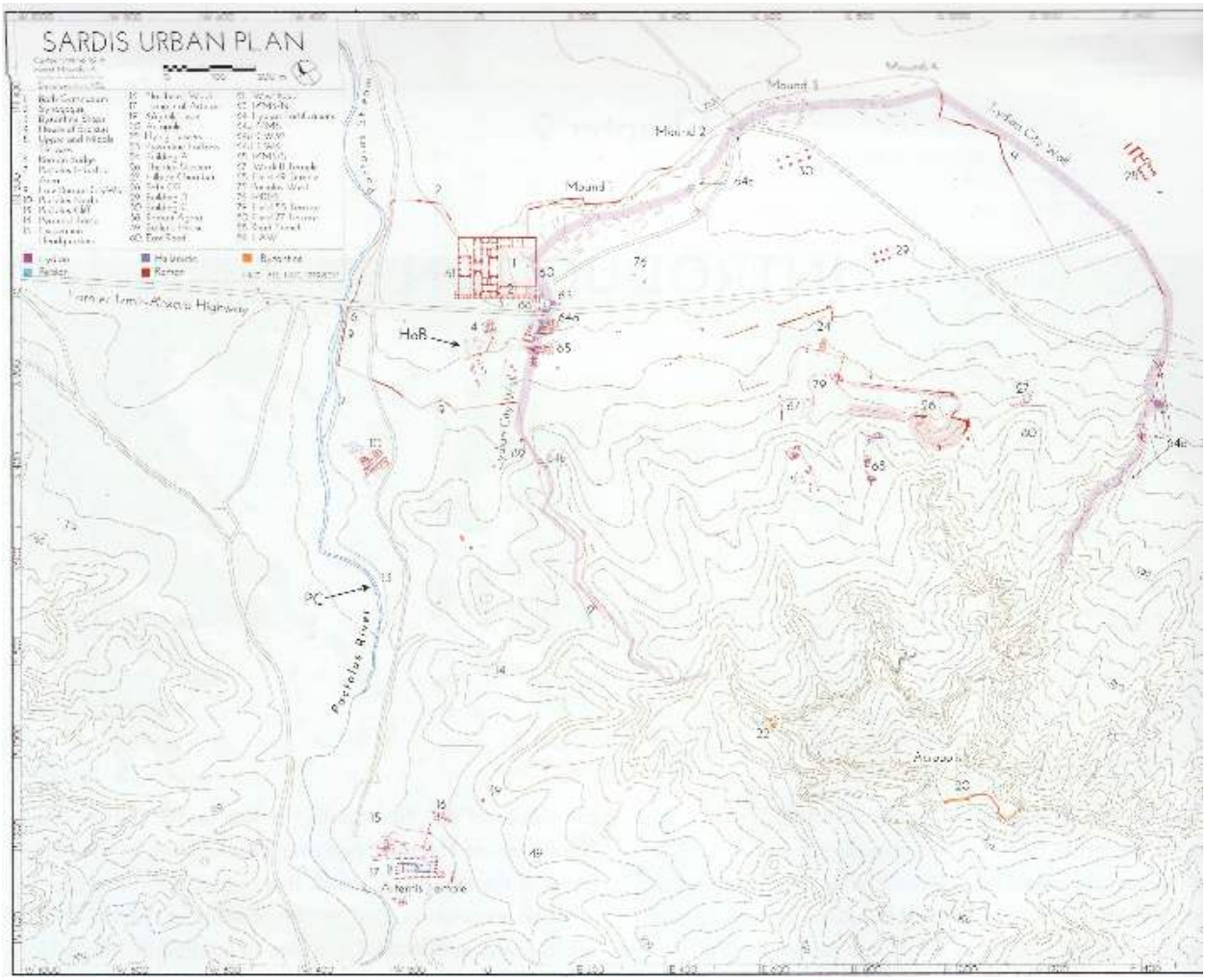
Лидийские уровни в секторе НоВ были расположены в довольно низком, но важном месте в городе, сразу за официальной границей, определённой в конце VII века городской стеной. Эта стена проходила вдоль северных склонов Акрополя и простиралась в долину Гермус, охватывая большую территорию, которая была центром города. Но поскольку на участке городской стены, ближайшем к НоВ'у, есть ворота (рис. 2.2: № 63), этот район был удачно расположен для путешественников и торговцев, двигавшихся по главному маршруту между побережьем и внутренними районами.

Идентификация и последующее исследование массивной лидийской городской стены опровергли многие предыдущие предположения о местоположении города, поскольку стало ясно, что все сектора, которые уже были раскопаны, лежат за пределами лидийского города. Это не имело решающего значения для интерпретации многих зданий в самом секторе НоВ, поскольку они были построены и заселены до возведения стены; однако это повлияло на наше понимание обоснования размещения некоторых других объектов. Например, эллинистические и раннеримские захоронения вдоль дороги восток – запад, ведущей к Магнезии на Сипилосе[54] (Маниса) и Смирне (Измир), больше не являются аномалией, когда понимаешь, что они находились за пределами формальной границы, которая существовала до тех

[53] На западной стороне было шесть труб (ок. W30–35) и три или четыре на восточной (E5–10), все они тянулись с юга на север, и одна в середине, тянувшаяся с запада на восток около S117.

[54] Магнезия на Сипилосе – старый город в 65 км. к северо-востоку от Измира.

пор, пока не была построена позднеримская стена, охватывающая новую территорию на западе до реки (рис. 2.2: № 6).

По большей части лидийские уровни HoB’a иллюстрируют рост и активизацию ремёсел и повседневной жизни общины с конца бронзового века до VI века до Р. Х. Снижение интенсивности заселения в конце VI века указывает на то, что что-то изменилось после разграбления Сардиса персами в 547 году до Р. Х. Любое новое строительство велось в другом месте, а это место было заброшено и оставалось пустым большую часть V века. Похоже, что это место рассматривалось как неофициальная свалка с редким заселением и явным отсутствием прочных стен.

Ход раскопок в секторе НоВ

Северная граница НоВ’а была ограничена сначала римским Домом Бронзы, а к западу от него – южной стеной другого большого здания или ограды, до сих пор не исследованной. На востоке граница была ограничена западной стеной римского здания R, которая проходила под косым углом к краям раскопок с северо-востока на юго-запад (см. рис. 2.4, стр. 70). На юге раскопанную территорию обрамляла поздняя терраса или ограждающая стена с римскими жилыми зданиями. Следы лидийской городской стены VII века были обнаружены под позднеримской городской стеной 1, когда она поднималась по гребню холма к Акрополю. Его разрушенные останки могли послужить прекрасной основой для римской террасной застройки, поскольку его массивная и хорошо подготовленная конструкция легко выдержала бы вес зданий. Только на западной окраине не было обнаружено поздних построек, а исследованиям здесь препятствовало наличие современной деревни.

Ясно, что римские границы не имеют ничего общего с лидийским использованием пространства. Лидийцы обустроили землю такой, какой они её нашли; римляне изменили план в соответствии со своими потребностями. Помимо нарушенных остатков лидийских построек, найденных в Доме Бронзы, их присутствие подразумевается в районе здания R (см. Рис. 2.4), где на возможно римских уровнях были обнаружены большие месторождения, состоящие из почти чистой лидийской керамики. Это наводит на мысль, что при прокладке траншей под фундамент римляне столкнулись с уровнями лидийских поселений, и затем этот материал был отложен на современном уровне земли. Что лишь постепенно стало очевидным, так это чрезвычайная глубина и неровность лидийских отложений, а также то, как сочетание римских построек и эрозии изменило топографию.

В 1958 году, в первый год работы Гарвардско-Корнелльской экспедиции в Сардисе, были начаты раскопки вдоль бывшего шоссе Измир – Анкара, недалеко от видимых остатков римского гимнасия (рис. 2.2: № 1). Целью было исследовать позднеримское здание, вскоре получившее название «Дом

Бронзы» из-за найденных там бронзовых сосудов. Раскопки проводились здесь летом 1958 и 1959 годов. Уже в эти первые сезоны зондажи (небольшие зондирования) под полами римского дома обнаружили лидийскую керамику и стены, которые были названы «Лидийской лавкой» и «Лидийской комнатой» (см. рис. 2.4). После раскопок так называемого магазина и прилегающего к нему участка с более поздними гробницами к западу раскопщик Дональд П. Хансен возобновил работу немного южнее в начале сезона 1960 года. Его намерением было извлечь выгоду из захватывающих открытий 1958 и 1959 годов, но затем он взялся за другие задачи. В этот момент Густав Ф. Свифт-младший был назначен ответственным за район Лидийской впадины, и раскопки продолжались под его руководством до 1970 года.

Единственными записями о секторе НоВ, которые Свифт оставил на момент своей смерти в 1976 году, были обширные наброски на одиннадцати страницах, подготовленные им в 1970 году, а также годовые отчёты за каждый год раскопок. Обычно не пытаются обобщить накопленный материал, поскольку предполагают обобщение находок за один конкретный сезон.[55] На протяжении всего этого тома, где описание словами Свифта кажется наиболее ярким и точным, дословно приводятся отрывки из его трудов. Его предварительные выводы, изложенные или подразумеваемые в сезонных отчётах и опубликованных отчётах BASOR,[56] были в большинстве случаев подтверждены исследованиями Эндрю Рэймиджа. Там, где есть различия, были указаны причины изменений, некоторые из которых связаны с более поздней работой в самом НоВ.

Стимулом к расширению Лидийской раскопок послужило обнаружение лидийской керамики в слоях песчаной почвы в ходе первых исследований

[55] На Сардисе принято, чтобы отдельные раскопщики, ответственные за участки, готовили печатные описания своего продвижения в середине сезона и ещё раз в конце. Они называются отчётами о середине сезона и окончательными отчётами за конкретный год. Чтобы избежать путаницы с окончательными публикациями секторов и различными другими годовыми отчетами, они будут называться здесь «отчётами о середине сезона» или «сезонными отчётами». Специалисты на месте готовят аналогичные отчёты, например, по костям или консервации.

[56] Отчёты, описывающие ежегодные раскопки Гарварда и Корнелла на Сардисе, появлялись в Бюллетене Американских школ восточных исследований и приложениях к нему с 1959 по 1990 год.

1960 года. Стратиграфическая ситуация была аналогична ситуации на лидийских уровнях, обнаруженных под полами Дома Бронзы в 1958 и 1959 годах, за исключением того, что теперь стало возможным получить гораздо более широкую экспозицию. Первыми были открыты участки в северо-восточном углу, ближайшему к Дому Бронзы, а в последующие сезоны траншеи были расширены на запад и юг.

В ходе этих работ было проведено несколько глубоких зондирований, чтобы проверить стратиграфию и разработать хронологию лидийских уровней. В предварительных отчетах они назывались «глубокими ямами», но, желая избежать возможной путаницы с древними ямами, раскопщики стали называть их «зондированиями» или «пробными траншеями».[57] Первое, глубокое зондирование A, было прорыто в 1960 году; два более крупных и глубоких, глубокие зондирования B и C, последовали в 1962 и 1966 годах соответственно (см. рис. 3.1).

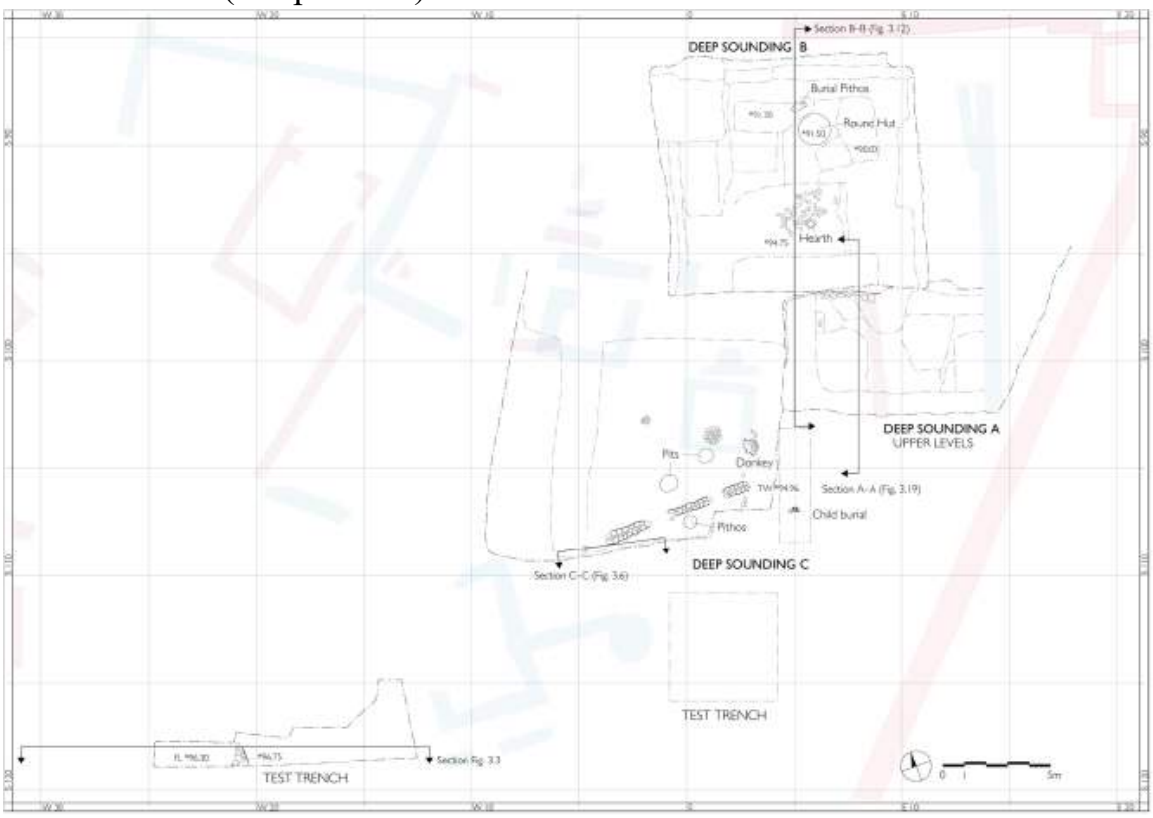

Рисунок 3.1. Три глубоких промера, A, B и C, и некоторые испытательные ямы с объектами IV Лидийского уровня поблизости.

[57] В этой книге «яму» следует понимать, как древнее сооружение для сбора мусора, хранения или промышленных целей, а не как современное исследование.

Зондирования B и C изначально были смежными, но траншеи расходились по мере снижения уровней и сужения зон зондирования. Находки и стратиграфия всех трёх глубоких зондирований, хотя и не идентичны, тесно связаны. Позже, в 1980-х годах, было предпринято несколько более мелких и менее амбициозных исследований для ответа на конкретные вопросы.

На сооружениях, обнаруженных в Лидийском жёлобе, были нанесены идентификационные буквы, идущие от A до H и от J до O (см. Составной план на рис. 2.4, стр. 70). Римское здание R является частью другой серии. В некоторой степени опознавательные буквы, нанесенные на лидийские сооружения, отражают движение раскопок с востока на запад; таким образом, здание A находится в восточной части траншеи, а здание N – на крайнем западе.

В 1960 году был раскопан восточный конец Лидийской впадины и часть римского здания R, а также произведено глубокое зондирование A. В этом районе были значительные беспорядки из-за римских труб, которые тянулись с севера на юг к Дому Бронзы. Здание A, первый законченный образец небольших прямоугольных зданий, типичных для Лидийских раскопок, было расчищено в течение этого сезона. В 1961 году траншею расширили на север и запад; в результате раскопок обнажились здание B, восточный конец здания C, северная часть здания D и промышленная зона Каменного круга к востоку от здания C. Остальная часть здания C и участок к югу от него были раскопаны в 1962 году, когда также проводилось глубинное зондирование B.

В 1963 году была обнажена большая территория, прилегающая к траншее 1962 года на юге и западе. Здания D, E и F были добавлены в список лидийских построек. Исследования лидийских останков в 1964 году были сосредоточены на траншее, которая выявила стратиграфию в юго-западном углу района. Никаких дополнительных лидийских построек обнаружено не было, но обширный участок с востока на запад на S120 освещал уровни заселения того, что мы называем Южной стороной, находящейся на южном конце траншеи (см. Рис. 3.3).

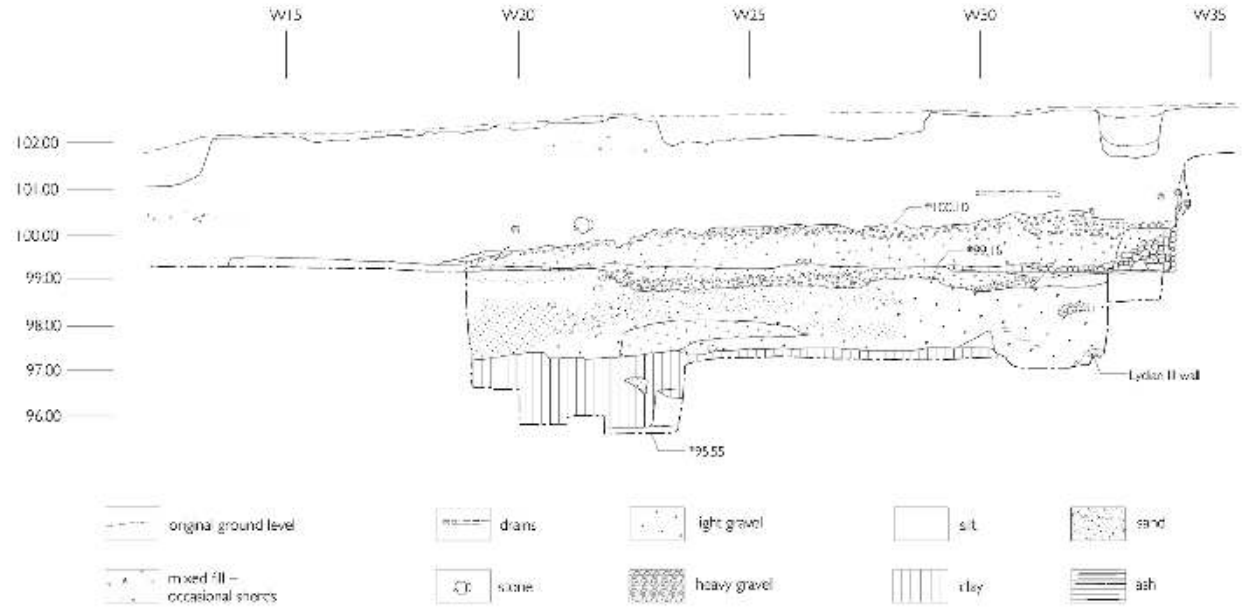

Рисунок 3.3. Южная сторона испытательной ямы на южной стороне НоВ по адресу W15–35, участок на S120.

Дополнительные работы были проведены на римских уровнях на юге, на Восточной и Западной Средних террасах (рис. 2.2: № 5), где в холме на юге были сделаны два длинных разреза с севера на юг. Они показали улицу с колоннадами и ряд домов позднеримского периода, отступающих террасами, очень похожих на ныне знаменитые дома на склонах (Hanghäuser) в Ефесе.

Лидийские уровни были в центре внимания исследователей в 1965 году, в основном в центральной и западной части раскопок. Мы сосредоточились на открытии уровня конца VIII или начала VII века до Р. Х., который в ежегодных отчётах характеризуется как «киммерийское сожжение» (хотя это обозначение проблематично и будет обсуждаться позже). В 1966 году у нас была двойная цель – продолжить изучение стен позднего VII века, найденных на западной стороне раскопок в 1965 году, которые ранее назывались участком «Лидийского базара», а теперь считаются группой домов. Мы также выявили глубокие уровни (глубокое зондирование C)[58] на гораздо большей площади, чем раньше, на восточной стороне раскопок.

[58] Согласно плану, глубокое зондирование C охватывало неровный четырёхугольник в районе E5–W9 / S98–109. К концу раскопок в C значительно уменьшенная площадь траншеи была перекрыта с E3–W4 / S103–107,5.

В 1967 году раскопки в НоВ’е не проводились. Раскопки 1968 года были в основном направлены на расширение наших знаний о фазе VII века, Лидийском уровне II, хотя некоторые работы велись в римских районах возле здания R и прилегающей улицы. Самым заметным открытием там стала ранневизантийская надпись, которая подразумевала, что улицу следует рассматривать как Гипайпскую дорогу.[59]

В 1969 году раскопки в НоВ’е снова не проводились, но в 1970 году работы возобновились. Целями были уровни VII века на западе и более ранние сожжённые уровни на юге. Почти вся территория внутри траншеи к настоящему времени была вырыта на глубину от двух до пяти метров, хотя глубинные промеры, конечно, были значительно глубже, на 11 метров ниже первоначального уровня. Дополнительные работы на улице с римскими колоннадами выявили арочный фасад из кирпича и повторно использованных мраморных блоков, который может соответствовать тетрапилону, упомянутому в надписи, упомянутой выше.

После этого раскопки здесь не проводились до 1980 года, когда был начат проект по завершению работ над Домом Бронзы. В 1983 году были проведены три стратиграфических зондирования под II Лидийским уровнем на западном конце раскопок, а в 1984 году было начато ещё одно, продолженное в 1985 году, чуть южнее глубокого зондирования C, в попытке получить более подробную информацию по уровням железного века.

В ходе периодических раскопок на каждом уровне в течение более чем десятилетия было обнаружено огромное количество керамики, в основном местной, которая была выброшена, но не было каких-либо комментариев о её назначении. Оставшиеся образцы были неизбежно испорчены, потому что больше внимания уделялось греческим и расписным произведениям, которые могли бы [помочь] обнаружить даже если не коммерческие, то хотя бы хронологические связи. [Подобное] предубеждение может быть наиболее

[59] Смотрите Гипайпу на карте на рис. 2.7, стр. 68. Гипайпа – древний лидийский город в 42 милях от Ефеса.

критичным для ранних уровней, но оно имело место повсюду. Хотя большая часть домашней грубой и простой керамики была выброшена, в нашу задачу входило, насколько это возможно, восстановить картину домашнего обихода, который должен был присутствовать даже в зданиях, которые, возможно, также служили мастерскими. Некоторые из сохранившихся керамических изделий вполне могли использоваться как в домашнем хозяйстве, так и в лёгкой промышленности.

Оценка степени, в которой лидийцы использовали органические материалы, является загадкой, поскольку даже приняв предположение о том, что они использовали недолговечные материалы, мы все равно не сможем определить их реальное количество, необходимое для комфортного (или, скорее, некомфортного) проживания. Некоторые мягкие товары, такие как текстиль, [нам] достаточно легко представить, и это подтверждается древними текстами. Более твёрдые предметы, из дерева и кости, [представить] сложнее: некоторых деталей хватает, но сколько ещё нужно представить для полного отчёта? Свидетельства наличия деревянной мебели отсутствуют, за исключением железной фурнитуры, которая, должно быть, служила «кронштейнами». Такие предметы, которые часто попадались, должны быть связаны с мебелью по причине [наличия] отпечатков волокон древесины на коррозийной поверхности. Сохранилось очень мало кусков древесного угля, которые представляли бы собой настоящее дерево, хотя участки раскрошенного древесного угля были широко распространены. Точно так же почти не было следов кожи.

Аллювиальные отложения и стратиграфия

Общее положение этого места в его геологическом и геоморфологическом окружении было описано ранее, а почвы Сардиса стали предметом специального исследования в 1970 году. По сути, Акрополь и Некрополь образуют узкий слой конгломерата, расположенный на фоне метаморфической массы горы Тмолус (рис. 2.5). Разрыв, который проходит

примерно с востока на запад, находится примерно в двух километрах к югу от храма Артемиды (рис. 2.2: № 17), и его можно прекрасно наблюдать в пятнадцати минутах ходьбы от храма (рис. 2.5).

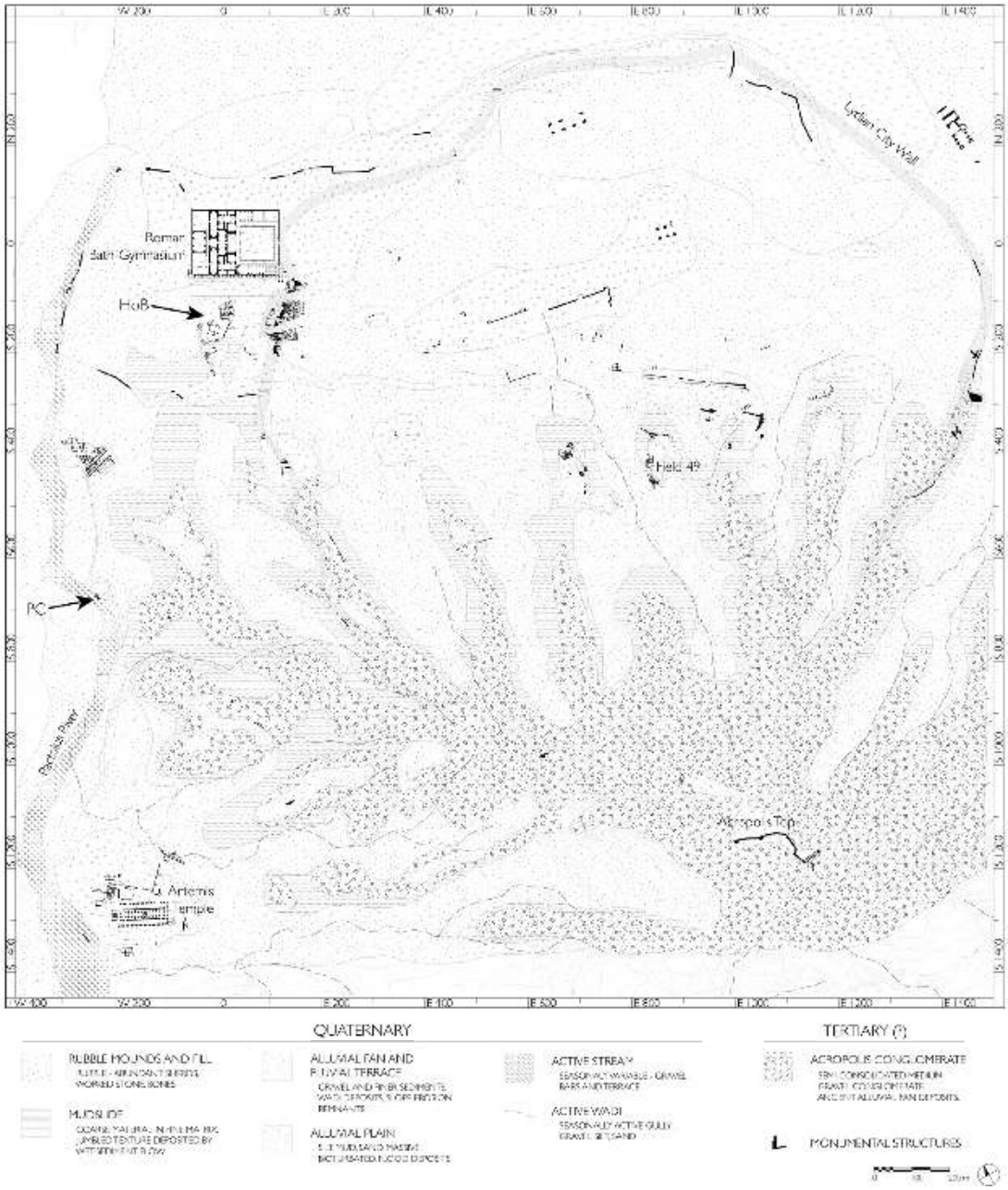

Рисунок 2.5. Геологическая карта Сардиса.

Эрозия рыхлого конгломерата Акрополя привела к появлению многочисленных отложений гравия и почвы, которые смыло с холма в район Лидийской впадины HoB. Некоторые из этих наводнений, вероятно, произошли, когда жители перестали обслуживать террасы на холме, которые были построены во избежание подобных событий. Периодические

катастрофические наводнения, вызванные дестабилизацией склонов, также похоронили Храм Артемиды к западу от Акрополя.

Описание ландшафта можно процитировать из публикации о первой археологической экспедиции на Сардис в начале XX века (рис. 2.6):

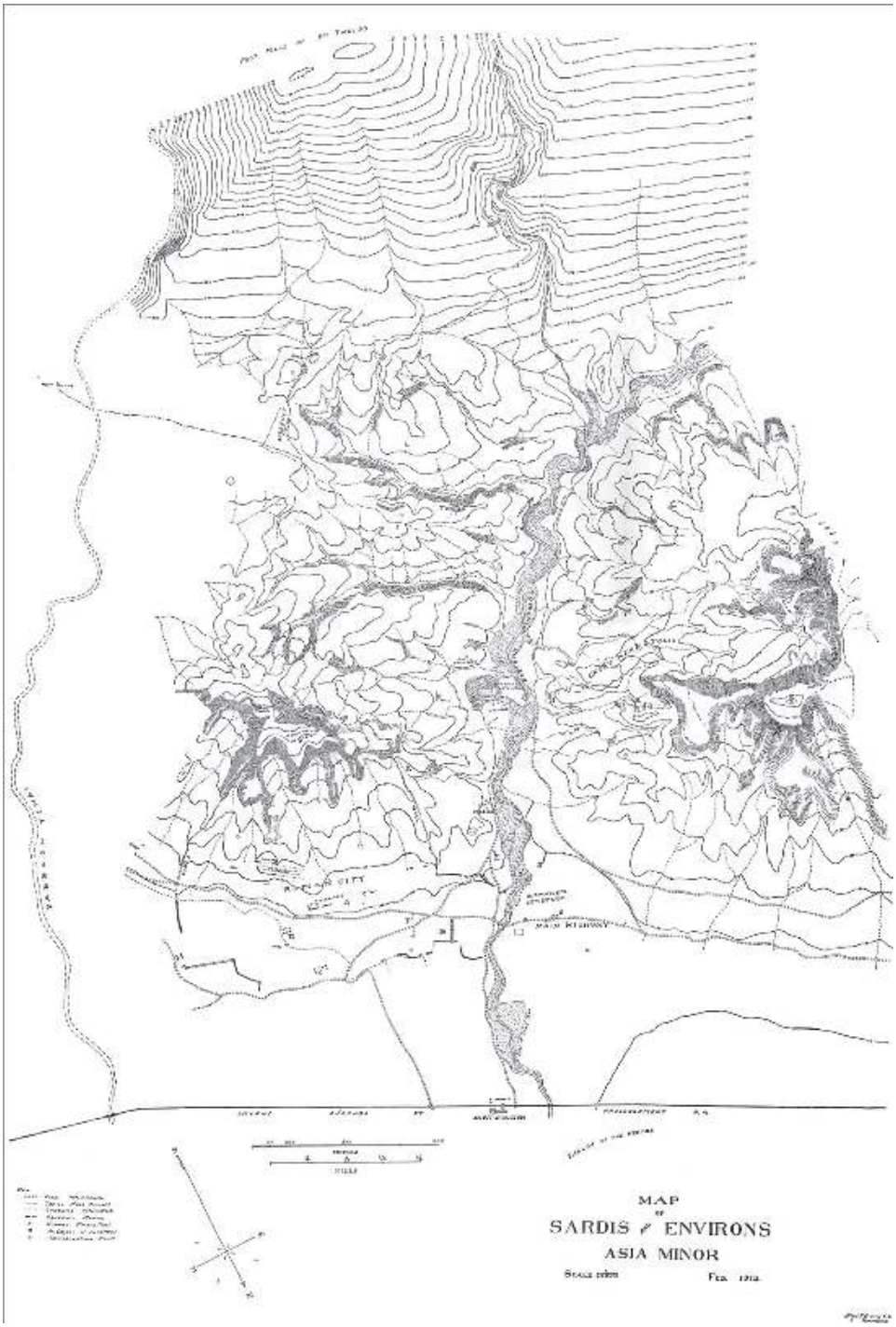

Рисунок 2.6. Карта Сардиса и его окрестностей, составленная в феврале 1919 года. План ориентирован на юг. От Говарда Кросби Батлера, Сардис I.1, карта I (Howard Crosby Butler, Sardis I.1, map I).

«Несоответствие мрамора на северной окраине [хребта Тмолус] знаменует начало новой геологической серии. Эта серия состоит из развёрнутых пластов аллювия, представляющих три различные фазы. Первая, или низшая, фаза состоит из массивных однородных пластов тонкой красной глины. Они очень

сильно утончаются по краям, так что невозможно получить адекватные измерения их толщины, которая составляет примерно 30 м. Этот материал во всех отношениях похож на глубоководные морские отложения, он равномерно распределён, идеально отсортирован, так что в нём нет грубых частиц, и окрашен в ровный тёмно-красный цвет оксидом железа.

Вторая фаза состоит из серых или бледно-зелёных пластов толщиной около 200 метров, состоящих из мелкой песчаной глины с прослойками гравия, содержащего кварцевую гальку и иногда сланец, редко превышающий 2 см. в диаметре. Тонкие пласты различаются по толщине от 5 до 50 см., а грубые – от10 см. до 5 метров. Их текстура часто довольно рыхлая, хотя чаще материал укрепляется известковым цементом. Пласты слегка наклоняются к северу из-за того, что были отложены у хребта. Очевидно, что это отложения мелководья; чередование крупных и тонких слоёв указывает на сезонные колебания потоков, приносящих отложенный материал, и отсутствие течений для его сортировки. О том, что это подводные отложения, свидетельствует протяженность слоёв; их светлый цвет, вероятно, обусловлен зарослями тростника, который вымывал оксиды железа.

Третья фаза, безусловно, наиболее заметная, поскольку она наиболее устойчива к эрозии, обнажается на голых скалах Акрополя и холмах Некрополя. Он состоит из мелких зёрен каолина, мусковита, биотита и, вероятно, других ферромагнезиальных минералов и небольшого количества кварца с большим количеством гальки; плоская галька из сланца обычно около 10 см в диаметре, но часто намного крупнее или мельче, неправильная галька из гнейса, часто слегка угловатая, но всегда сглаженная водой, кварц и галька всех размеров до 20 см, но обычно не более 10 см в диаметре».[60]

Именно взаимодействие процессов эрозии этих двух скальных образований сформировало ландшафт Сардиса. Наиболее активным эрозионным агентом была вода: сначала в результате прямого воздействия

[60] Уорфилд, «Отчёт о геологии Сардиса», в Сардисе I.1, стр. 176-77.

дождя и образования небольших и более крупных ручьёв; а затем в результате рассекающего и заполняющего действия Пактола и, в некоторой степени, реки Гермус. Поскольку плохо сцементированный конгломерат особенно подвержен эрозии, частые сильные ливни лидийской зимы (которые, вероятно, были не менее сильными в древности) одно время способствовали его перемещению в больших количествах. Периодические землетрясения также могли вызывать откол больших масс конгломерата от Акрополя, который затем распадался и стекал вниз по склону, оставляя огромные отложения песка и гравия.

Эти процессы привели к образованию нескольких крупных аллювиальных каналов в долине, где небольшие ручьи, такие как Пактол, сбегают с крутых склонов своих узких долин на широкую плоскую равнину Герм. Помимо песка, гравия, булыжников и других компонентов конгломерата, эти веера содержат гораздо более крупные куски матрицы и включения коренных пород Тмолуса, таких как гнейс, сланец и кварц. Полевые или речные камни, в основном размером менее 25 сантиметров, были (и остаются) основным строительным материалом для жителей долины. Гранёный камень до сих пор редко встречается в народной архитектуре Лидии.

Ещё одним возможным источником залежей гравия в лидийские и доисторические времена является выход из основного русла Гермуса. До середины прошлого века не было ничего необычного в том, что вся долина была затоплена, а деревни отрезаны, но строительство в 1960 году большой плотины в Демиркопру (рис. 2.7, стр. 68) устранило эту угрозу. Однако в результате такого наводнения мог образоваться мелкий песок или ил, а не гравий или булыжник, поскольку Сардис находится на краю долины; паводковые воды здесь текли бы медленнее и наносили более лёгкие материалы.

Вероятно, в древние времена веер Пактол был шире и южнее, чем сейчас, и некоторые уровни в НоВ’е могли образоваться в результате его образования, если река поворачивала на восток более, чем сейчас. Мы знаем,

что река изменила свое русло с древнейших времён, потому что она врезалась в древние сооружения, как лидийские, так и позднеримские, в нескольких местах на каждом берегу между храмом Артемиды и римским мостом (рис. 2.2: № 6). Однако масштабы аллювиального разреза в лидийские времена довольно затенены современными зданиями и возделыванием земель вблизи мостов и перекрестков. Позднеримская городская стена также оказала важное влияние на изменение топографии и, предположительно, более поздних местных схем дренажа и, возможно, способствовала отложению наносов. Что касается района НоВ, участка городской стены между секциями 30 и 29 (рис. 2.2: № 9) могло бы послужить барьером и способствовать накоплению обломков рядом с ним в поздней античности, когда образ жизни города был нарушен. Кроме того, участки к западу и северу образовали часть насыпи на восточной стороне Пактола, что способствовало упорядочению его русла, в результате чего веер переместится дальше по течению. Римский мост и его сваи также могли внести свой вклад в русло Пактола. Без гораздо более масштабных раскопок или значительной программы систематического отбора керна[61] эта теория останется гипотезой.

С самого начала раскопки в Лидийском желобе НоВ дали последовательную картину естественной стратиграфии. Снова и снова раскопщики сообщали об обнаружении слоёв песчано-гравийной массы разных сортов и толщины, между которыми были слои глинистой почвы. Эти пласты предоставили большую часть свидетельств пребывания человека в этом районе: остатки зданий, полов, большое количество керамики и небольшие артефакты из различных материалов. Большая часть почвенной матрицы, вероятно, образовалась в результате разложения глинобитного кирпича, который был стандартным материалом для верхних частей лидийских стен. Сначала это было всего лишь предположение, следующее традиционной логике, но обнаружение отдельных кирпичей в раскопе

[61] Керн – это проба вещества, представляющая собой цилиндрический столбик, извлекаемый в результате бурения.

(описанных в то время как «гончарная глина»)[62] и более поздних кирпичей in situ[63] на цоколях стен сделало это несомненным.

В целом в слоях гравия отсутствовали культурные остатки, за исключением одного или двух обветшалых черепков и случайных предметов. Время от времени в гравии мог обнаруживаться изолированный участок глинистого материала, который в остальном не был связан ни с чем другим. Такое наводнение, должно быть, было особенно разрушительным в периоды, когда террасы выше по склонам Акрополя не поддерживались в рабочем состоянии. Создаётся впечатление, что существовал определённый диапазон интенсивности и распространения наводнения, подобный тому, на который ссылаются страховые агенты, когда говорят о «наводнении [, бывающем раз в] 100 лет». В любом случае, хотя эти изолированные участки и требуют внимания в ходе раскопок, они мало что добавляют к нашему пониманию хода лидийского заселения этого района, за исключением предположения о том, что попытки установить сооружения предпринимались чаще, чем показывает большинство записей.

Чтобы избежать чрезмерного упрощения и преувеличения контраста между нанесённым водой гравием и свидетельствами пребывания человека на глинистых или земляных слоях, необходимо иметь в виду определённые факты. Начнем с того, что, хотя слои гравия были редко снабжены черепками и другими мелкими предметами, они никогда не были полностью лишены их (даже те, что ниже материала позднего бронзового века на уровне *90,00). У таких черепков была изношенная поверхность, они были потертыми и округлыми и вполне могли происходить из других частей поселения выше по течению. С другой стороны, случайные слои чистого мелкого песка были обычно стерильными или почти стерильными. Архитектурные остатки были ограничены слоями глины, а такие элементы, как очаги и устья ям, лишь

[62] Это не так абсурдно, как кажется: глина для изготовления огромного количества кирпичей, использованных для облицовки городской стены, была довольно пластичной и содержала очень мало песка или соломы.

[63] Лат. «на месте находки».

изредка обнаруживались на гравийных поверхностях. Можно представить себе восстановление отдельных участков аллювиального веера после того, как восстановится тонкий слой почвы и растительности, а капризы погоды будут определять продолжительность успешного заселения. Опять же, небольшие промежуточные полосы и участки глинистого материала встречались среди слоёв гравия, но с содержанием лишь нескольких артефактов. Наконец, некоторые отложения явно представляли собой нерасслоённую смесь гравия, земли и артефактов и могли быть нанесены как природными, так и антропогенными факторами. Но основные залежи желтоватого глинистого материала определили стратиграфическую и культурную последовательность на протяжении всех раскопок.

С помощью чертежа разреза и общего вида Южной стороны (см. Хронологическую таблицу с отметками высот и рис. 3.2 и 3.3) мы можем получить представление о последовательности и относительной толщине различных слоёв, которые содержались в пределах Лидийского жёлоба. Рисунки и описания глубинных зондирований помогают нам составить общую картину уровней примерно до *90,00. Это, конечно, обобщённая конструкция, которая варьируется, как абсолютно, так и в степени, в некоторых точках траншеи, но в целом картина на удивление однородна.

Само собой разумеется, что древние жители Сардиса не возводили монументальных зданий или даже жилых кварталов в русле реки, где им постоянно угрожало бы разрушение в результате наводнения. Учитывая тенденцию этого района к затоплению гравием, приходишь к выводу, что участок Лидийской впадины в НоВ’е ценился из-за его расположения вблизи линий коммуникаций и близости к другим частям поселения (см. Рис. 2.2). Кроме того, доступ к северным склонам Акрополя из этого района гораздо более пологий и открытый, чем из долины Пактол, расположенной выше. Но ясно, что использование этого места могло быть ограничено риском потери постоянных сооружений или движимого имущества, имеющего какую-либо большую внутреннюю ценность. То, что это, казалось бы, бесперспективное

место на самом деле можно было использовать, подтверждается данными раскопок, которые подтверждают его использование в коммерческих, бытовых и промышленных целях с конца II тысячелетия до середины VI века до Р. Х.

Стратиграфическое и хронологическое обобщение

Результаты раскопок в секторе НоВ, подробно изложенные в следующих главах, свидетельствуют о давних традициях проживания на этом месте, а также о постоянстве образа жизни и использования материалов. Толстые слои гравия показывают, что время от времени здесь происходили катастрофические наводнения, которые могли прерывать жизнь в этом районе и разрушили многие здания. [Однако, в таком случае,] потребовалось бы время для их восстановления, но в стратиграфической последовательности от позднего бронзового века до раннего железного и времен Лидийского царства не обнаружено существенных пробелов.

Полученные из сектора НоВ свидетельства заселения позднего бронзового века являются частью небольшого, но растущего массива информации о жизни в этом регионе в тот период. Давний проект прояснил многие аспекты древнего Сардиса, но только недавно в пределах города были обнаружены другие уровни, такие же ранние, как те, что были найдены в секторе НоВ, описанном ниже, относящиеся к позднему бронзовому веку.[64]

На территории самого Сардиса уровни заселения раннего бронзового века были выявлены лишь недавно, даже при проведении глубоких зондирований (см. ниже). Но ранее, в Эски Балыхане, примерно в 30 милях (48 километрах) к северу от Сардиса, на берегу озера Гигаан, было обнаружено жилище раннего бронзового века; а в Ахлатли Тепеджике, также на берегу озера, недалеко отсюда, было раскопано кладбище раннего бронзового века. К

[64] Раскопки в 2017, 2018 и 2019 годах на поле 49 в Сардисе выявили уровни заселения позднего бронзового века, а под ними насыпь, возможно, террасовая насыпь, по-видимому, относящаяся к III B периоду ранней бронзы. См. Кэхилл 2019b, стр. 124.

северу от озера находилось ещё одно место, Кылканлар. Эти места в центральной Лидии (рис. 2.7) показывают, что такие места были значительно разбросаны и что во многих местах были основаны небольшие поселения.

С 2005 года исследовательские работы в центральной Лидии, проводимые под руководством Кристофера Х. Рузвельта и Кристины Люк, выявили ряд более крупных объектов вокруг озера Гигаан. Одно из них, в Каймакчи, намного больше остальных. На спутниковых снимках видны разрушенные остатки трёх концентрических колец крепостных стен, охватывающих около 8,6 гектаров. На сегодняшний день это самая большая цепь в западной Анатолии или районе Эгейского моря, включая материковую Грецию и побережье Ионического моря. Исследования поверхности в течение нескольких лет показали, что расцветом этого места был поздний бронзовый век. Это открытие наиболее важно для местной картины Лидии. Таким образом, это идеальный предшественник Сардиса как центра, или сердцевины, Лидии. Проводимые сейчас раскопки проверят обоснованность этой идеи, но что бы ни обнаружилось, необходимо ответить на вопрос о механизме, вызвавшем внезапное изменение регионального центра тяжести с Каймакчи на Сардис.

Описание основных уровней поселений

Уровни заселения в Лидийском жёлобе НоВ отделены друг от друга существенными слоями гравия и песка, как упоминалось выше, некоторые толщиной до метра. Основные уровни на раскопанной территории сведены в таблицу 2.1, где приведены приблизительные уровни, которые варьируются от места к месту в зависимости от уклона местности. Приведённая здесь описательная таблица периодов и уровней призвана обеспечить общую основу и набор рабочих определений, которые будут использоваться в основном тексте следующих глав. Конечно, следует помнить, что наклонный рельеф и неровные поверхности вызвали колебания высот, и диапазон уровней не следует считать строго определённым.

Chronological Phase	Date	Elevation
Late Bronze Age	Thirteenth to twelfth century B.C.	*94.25–89.90
Early Iron Age	Eleventh to tenth century B.C.	*94.75–94.25
Lydian IV	Iron Age, ninth through mid-eighth century B.C.	*96.50–94.75
Lydian III	Last quarter of eighth century B.C., Destruction Level	*97.60–97.00
Lydian II	Early to third quarter of the seventh century B.C.	*98.50–97.50
Lydian I	Later seventh to mid-sixth century B.C.	*99.00 floor
Persian period	Fifth to late fourth century B.C.	*99.50–97.20
Hellenistic	Late fourth to first century B.C.	*100.50–99.00
Early Roman graves		
Roman water pipes		*101.00–100.50
Surface		*103.00–101.50

Хронологическая таблица 2.1 с указанием высот.[65]

[65] Оригинальная версия Г. Ф. Свифта включена ниже, поскольку она подразумевается в отчётах о раскопках BASOR и других публикациях, и новую версию не следует предлагать без объяснения и сравнения. В своём отчете за сезон 1970 года он выделил восемь основных уровней траншей, которые отразили его общие выводы об интерпретации траншеи и его намерениях относительно публикации. Они могут быть изложены так, как он их написал, от более поздних до более ранних периодов:

1. Позднеримская смешанная заливка
2. Римляне: водопроводные трубы и прослеживаемая поверхность земли
3. Эллинистика: *100.00–99.00
4. Лидийский уровень I (конец VII века): ок. * 99,00 (этажи)
5. Лидийский уровень II (конец седьмого века): *98.50–97.50
6. Лидийский уровень III, уровень разрушения (начало-середина седьмого века): ок. * 97,50–96,50
7. Протогеометрические данные (одиннадцатый или десятый век): *94,75–94,25
8. Поздний бронзовый век (захоронение на Пифосе и т.д.): *91,00

Наиболее важным расхождением во мнениях между Свифтом и А. Рэймиджем является абсолютная дата и, как следствие, характеристика Лидийского уровня III. По мнению Рэймиджа, Лидийский III уровень датируется серединой-концом VIII века, что на пятьдесят лет отличается от датировки Свифта. Конец этого периода отмечен масштабными разрушениями, вероятно, вызванными неизвестным врагом около 725 г. до Р. Х. Лидийский II уровень также должен быть раньше, чем допускает Свифт, то есть с начала по середину VII века (а не в конце VII). Это позволяет избежать втискивания II Лидийского периода, где находятся некоторые из наиболее значительных построек, в слишком узкие временные рамки. Спор о датировке, на самом деле, легче разрешить в пользу Лидийского периода III, потому что с ним надёжно связан более широкий ассортимент хорошо датированной импортной керамики, чем с лидийским периодом II. I Лидийский период следует продлить позже, до середины VI века, то есть до конца Лидийского царства. Большой интервал между некоторыми из более высоких уровней в таблице Свифта обычно можно объяснить наличием слоёв гравия, но уровни между *96,50 и *94,75 содержали гораздо больше материала, даже если не так много официальных уровней можно было различить. По этой причине было создано обозначение «Лидиан IV». Оно помещается между уровнями 6 и 7 Свифта на таблице и должно соответствовать большей части геометрического периода на греческих памятниках. Это наименее определённая из лидийских категорий и часто соответствует такому более общему термину, как «ранний железный век». 7 уровень Свифта представляет проблему, поскольку он относится к слою, состоящему из толстого слоя производственного мусора, такого как черепки пифоса и куски глиняного кирпича, который охватывает переход от позднего бронзового века к раннему железному. На самом деле большинство этих разделений на данный момент несколько произвольны из-за небольшой выборки и отсутствия надежных хронологических маркеров. Уровень 8, который действительно специфичен только для Глубокого зондирования B, также отличается. Такое разделение уровней, навязанное нам природой, оказалось

Эта таблица в нескольких отношениях отличается от таблиц, опубликованных ранее, и от мнений, высказанных в предварительных отчётах. Лидийские периоды, определённые здесь, в принципе, получены из основных стратиграфических уровней – обычно поверхностей или полов, дающими обоснование [уровню] заселения. Они лишь вторично отражают изменения в стилях керамики. Как показано в главе 1, большинство стилей лидийской керамики не принадлежат исключительно к какому-то одному уровню, а, напротив, накладываются друг на друга. Речь идёт об относительном количестве стилей в пределах уровня, а также о появлении определённых новых форм и стилей с течением времени или постепенном исчезновении других.

Хотя такое хронологическое деление на данный момент может быть удовлетворительным, в Сардисе и других местах западной Анатолии продолжаются работы, которые могут потребовать пересмотра или дать гораздо более богатую картину культур железного века в этом районе. Первое использование слова «лидийский» в таблице для ранних исторических уровней не означает, что лидийцы появились на свет или прибыли в Сардис только в IX или VIII веке. Однако это период их возвышения в западной Анатолии, когда они стали политически могущественными, как предполагают текстовые источники.[66] Структура их языка и его связь с хеттским и другими анатолийскими языками указывает на то, что лидийцы уже были отдельным народом в начале II тысячелетия до Р. Х., но мы не можем быть уверены, что это та же группа, которая населяла берега Гигейского озера в то время. Указания на то, что лидийское поселение уходит корнями далеко в бронзовый

удобным для разделения более поздних культурных фаз без особых рассуждений, но для столетий, предшествовавших разрушению середины-конца VIII века, естественная последовательность затрудняет оценку хронологической обстановки из-за отсутствия или скудости привезённых или датируемых черепков с некоторых уровней.

[66] Геродот I.7.

век, можно найти в рассказах о династии, происходившей от самого Лидоса, до прихода к власти династии Гераклидов.

Обнажение слоя позднего бронзового века было небольшим, и основные находки, состоящие из пола небольшой круглой хижины и кремационного захоронения (в Глубоком зондировании B), мало что говорят об использовании местности в то время. Хижина, предположительно, была жилым помещением, но единственное кремационное захоронение не указывает на существование кладбища. В регионе Сардиса пока не известно никаких других захоронений этого периода, хотя, как упоминалось выше, в Ахлатли-Тепеджике было найдено несколько ингумационных захоронений раннего бронзового века. Эти захоронения явно представляли собой кладбище, но поблизости было мало признаков современного заселения. В настоящее время можно сказать только, что хижина и сопровождающие её черепки указывают на поселение с по крайней мере одним захоронением поблизости.

Нам удалось обнаружить лишь очень небольшие участки в НоВ’е, относящиеся к позднему бронзовому веку, но ко времени раннего железного века и IV Лидийского периода мы находимся на более твердой почве, учитывая большое количество пифосов и монохромной керамики. В случае с Лидианом IV, род занятий был определён на основании находок. Субмикенские фрагменты и разновидности керамики протогеометрического стиля, по-видимому, процветали в Сардисе одновременно: по крайней мере, они найдены вместе на одном этаже, так что их ценность для обозначения хронологических периодов в Сардисе по греческой модели сомнительна.

Основной слой раннего железного века, или лидийский IV слой (на уровне *94,75), особенно в области Глубокого зондирования C, является более информативным, хотя единственное сооружение состояло из непрочной стены (рис. 3.8). Большая часть почвы в толстом слое над полом была обожжена докрасна, в то время как в других частях было много частиц древесного угля,

что наводит на мысль о наличии поблизости какой-то неопознанной промышленной деятельности.

*Рис. 3.8. Непрочная каменная стена на уровне *94,75 на южной стороне Глубокого зондирования C, обращенная на юг.*

Это вывод из характера насыпи, который, по-видимому, является результатом деятельности в большем масштабе, чем можно было бы предположить по самим находкам. Повсюду были обнаружены фрагменты больших пифосов, а также полный, но странно сломанный экземпляр одного из них, in situ, с найденной внутри него шеей (HoB 216; см. Рис. 3.6, 3.7). Однако сожжение не было достаточно интенсивным или повсеместным, чтобы его можно было интерпретировать как целенаправленное разрушение.

В дополнение к большому количеству пифосов, Лидийский IV уровень предоставил [для исследования] несколько предметов повседневной жизни, таких как точильный камень (HoB 240), молоток (HoB 239), жернов (HoB 103), кусок кремня и несколько ножей (HoB 37 и HoB 101). Хотя идентифицировать виды деятельности, которые могли быть предприняты в этот период, сложно, можно предположить, что для одного из них требовалось наличие

значительных ёмкостей для хранения, предположительно основных продуктов питания. Поскольку здесь не было найдено почти ничего похожего на сооружения, возможно, это было сезонное рабочее место или сооружение на открытом воздухе, или же конструкции были сделаны из непрочных материалов.

Этот общий отчёт можно дополнить анализом относительных пропорций типов керамики на разных уровнях, который показывает общее сокращение количества серых или желтовато-коричневых монохромных изделий, изменившись с более чем 80 процентов всех керамических находок в Лидийском IV периоде до 20 или менее процентов в Лидийском I периоде. Соответствующим изменением является резкое увеличение доли расписной керамики по сравнению с простой, а также увеличение разнообразия форм. Эти изменения особенно заметны между III и II Лидийскими периодами и в меньшей степени между II и I.

Архитектурные находки III Лидийского периода были скудными и фрагментарными. Была найдена небольшая печь (см. рис. 5.14) с прилегающей

Рисунок 5.14. Лидийский III период, центральная область, обращённая на север: трёхстороннее строение (слева) и небольшая печь, найденная поблизости, с золой за ней.

к ней трёхсторонней конструкцией, слишком маленькой для использования, и не видится никакого использования территории, кроме коммерческого или промышленного. Несколько бо́тросов[67] (см. Рис. 5.1), которые были вырыты в глиняном покрытии Лидийского III периода сверху, некоторые из них облицованы известковой штукатуркой, вероятно, возникли в Лидийский II период, или они, возможно, были связаны с укладкой промежуточной глиняной поверхности непосредственно поверх разрушенных обломков. Скорее всего, они предназначались для промышленных целей, а не для хранения продуктов питания, учитывая вероятную сырость.[68]

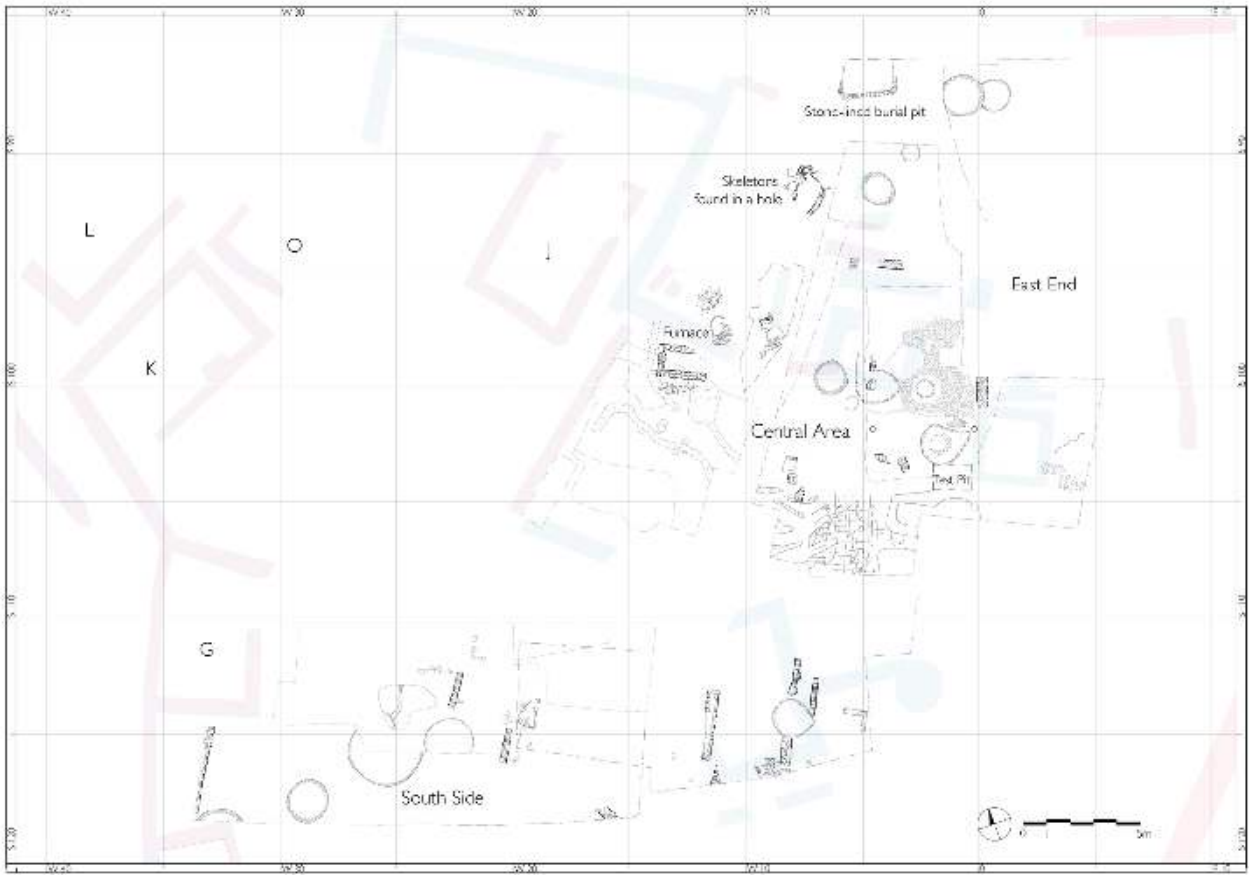

Рисунок 5.1. Детали Лидийского III периода в Лидийском жёлобе (сектор НоВ).

[67] Bothros (греч. βόθρος) – древнегреческое слово, означающее «яма», «выемка» или «траншея». В античности ботрос был искусственно созданным или сформированным углублением в земле, которое могло служить различным целям. В археологии подобные предметы также называются этим именем и интерпретируются в зависимости от контекста как алтари, места для жертвоприношений или хранилища [Примечание переводчика].

[68] Следует признать, что практика хранения зерна в ямах сохранялась до недавнего времени в центральной Анатолии, но они настолько отличались по конструкции и обстоятельствам, что подтверждают наше предположение о том, что сардисский ботрос не использовался для хранения продуктов (см. Шмидт и Крогман, 1933, стр. 115, и массивные подземные силосы в Богазкее, которые могли вместить тысячи килограммов зерна: Зеер 2006).

Здания Лидийского III периода явно более хрупкие, чем II, а плотность сооружений намного меньше, даже если реконструировать стены почти из каждой кучи камней. Находка нескольких человеческих скелетов или *disiecta membra*[69], которые (предположительно) не подвергались никаким последующим обрядам, усиливает впечатление, что эта местность не особо ценилась и не была обустроена опрятно или прилично – ощущение, которое сохраняется по сей день в связи с заводскими дворами или отвалами шахт. Поскольку на этом уровне много свидетельств того, что здесь когда-то происходило сражение, мы называем его «Уровнем разрушения».

В случае Лидийского периода II мы должны были бы рассчитывать на находки целого потока документированных импортных товаров (или имитаций), чтобы разграничить хронологические границы, но на самом деле, поскольку мы были ограничены горшками, которые продолжают протокоринфскую традицию, которая сама по себе трудна для распутывания, этот период определить сложнее, чем Лидийский III период. В большинстве ситуаций проблема заключается не столько в оценке отдельных черепков, сколько в сопоставлении нескольких свидетельств.

Лидийский II период – это первый уровень, на котором сохранилась целостная архитектура, включая ряд прямоугольных зданий, соединённых ограждающей стеной (рис. 2.3). В каждом доме была планировка с одной комнатой, в которой можно было различить встроенную мебель. Аналогичная фурнитура найдена в домах следующего уровня (Лидийский I), иногда они сохранились гораздо лучше. Эти сооружения ранее назывались магазинами, после идентификации этого района как геродотовской Лидийской агоры, но мы не считаем их эквивалентными торговым заведениям современного мира или даже более поздним византийским магазинам к северу от НоВ’а (рис. 2.2: № 3), где товары выставлялись на улице за пределами помещений. Скорее, сейчас мы рассматриваем эти небольшие строения как помещения, служившие

[69] Лат. «разрозненные части».

одновременно домами и мастерскими. Отличительной чертой зданий G, H и K было количество находившихся в них железных предметов, а предметы из Лидийского II периода свидетельствовали о нескольких признаках промышленной деятельности.

Мы можем восстановить Лидийский II период, таким образом объяснив это место, как объединяющее жилища и мастерские, а мастеров – как продававших новые вещи, а также ремонтировавших старые. Возможно, сюда приезжали какие-то чужаки, чтобы обменять иностранные товары на местные, но использование монет тогда ещё не началось. Маловероятно, что мелкие ремесленники также использовали предварительно взвешенные слитки, но наши знания о повседневных деталях древней торговли в этот период невелики. Большинство помещений в Лидийском жёлобе также могли использоваться как жилые помещения, хотя одно или два кажутся слишком маленькими (если только не были пристроены какие-то временные сооружения из непрочных материалов), даже если учесть совершенно иное понимание требований к пространству и количества и типа предметов домашнего обихода, необходимых для семьи.

Свидетельств специализированной деятельности было больше всего в Лидийском I периоде. Здания A, B и F (а также M и N, насколько удалось раскопать), а также «Лидийская комната» и «Лидийская лавка» представляли собой небольшие прямоугольные однокомнатные квартиры, по-видимому, беспорядочно разбросанные по территории, обычно на расстоянии десяти и более метров друг от друга. Внутри и между ними несколько находок наводят на мысль о запасах лавочников или домовладельцев: в одном месте десять неиспользованных ламп (HoB 579); в двух других скопления обжигаемых и необожженных гирь для ткацких станков (HoB 645 [двадцать шесть гирь для ткацких станков] и HoB 716 [шесть гирь для ткацких станков]). Очевидно, здесь была ремонтная мастерская. Черепки с отверстиями от свёрл на сломанных краях не были чем-то необычным, и раскопщики нашли маленькие свинцовые полоски, которые использовались в качестве скоб для ремонта

керамики. Найденная в 1958 году «Лидийская лавка», относящаяся к Лидийскому I периоду, имеет огромное значение. Здесь был найден угол печи для обжига (рис. 7.20) и набор изогнутых горлышек амфор и других ваз, в некоторых из которых были просверлены отверстия для ремонта (HoB 524 - HoB 533). В районе зданий A и B, ещё одном месте, где, должно быть, находилась промышленная мастерская, было найдено множество простых костяных булавок (HoB 590), а также заготовка для костяной булавки (HoB 593) и несколько других образцов на различных стадиях изготовления. В районе здания B были обнаружены штампы, используемые при изготовлении ювелирных изделий, в том числе HoB 602 и HoB 603, и ещё две были обнаружены поблизости, сразу за зданием F (HoB 604, HoB 605). К югу от здания C был обнаружен небольшой плоский квадрат из медного сплава – матрица глубокой печати, которая использовалась в качестве образца для чеканных украшений из золотой фольги (HoB 734). Таким образом, в различных местах, относящихся к периодам как Лидийского II, так и Лидийского I периодов, много свидетельств подтверждает идею о том, что в этих зданиях размещались небольшие промышленные предприятия, даже если они также, вероятно, были простейшими видами жилых помещений.

В целом, датировка уровней установлена довольно расплывчато, поскольку никаких внешних рамок для хронологии лидийской керамики пока не существует. Импортная керамика, там, где она доступна, даёт подсказки, но датировка и атрибуция импортных изделий поздней геометрической формы и ориентализации, найденных в Восточной Греции и на островах Эгейского моря, на самом деле недостаточно точны, чтобы сделать что-то большее, чем дать общее представление.[70] Кроме того, на Сардисе отсутствуют широко распространённые образцы фигурной керамики протокоринфского периода,

[70] Авторы придерживаются геометрической хронологии Coldstream (Coldstream, GGP, стр. 330 [повторено в Coldstream 1977, стр. 385]), но всё ещё остается много места для совпадающих стилей или споров о том, куда в серии попадает тот или иной фрагмент (См. Кук 1960, стр. 118 и далее.), и совсем недавно Кершнер и Шлотцхауэр 2005. Особая благодарность Майклу Кершнеру и Незиху Айтачлару, которые помогли идентифицировать керамику во время серии продуктивных встреч на Сардисе.

которые могли бы позволить нам установить хронологию критических лет между 700 и 650 годами до Р. Х.[71]

После персидского завоевания примерно в 547 году до Р. Х. в Лидийском жёлобе НоВ было найдено мало примечательного. Эта ситуация отражена в секторе «Пактол-Клифф» ("PC"), и можно задаться вопросом, не стал ли Сардис тогда захолустьем; но экспедицией Батлера было раскопано множество могил с драгоценностями, печатями и другими предметами роскоши того времени, а в секторе «Северный Пактол» ("PN"), недалеко от сектора PC, обнаружены значительные останки персидского периода.

Возможные объяснения такой нехватки останков в НоВ'е и PC в персидский период заключаются в том, что функция этих областей по отношению к окружающему району была изменена таким образом, что коммерческая деятельность была перенесена в другое место или резко сокращена. Другая возможность заключается в том, что здания этого периода в НоВ'е и PC были настолько несущественными (как их описывает Геродот [5.101]), что они не оставили никаких следов в археологических записях, и здесь сохранилась только керамика того периода. Также возможно, что некоторые здания, которые в настоящее время датируются лидийским или эллинистическим периодом, на самом деле принадлежат, возможно, по крайней мере частично, промежуточной персидской эпохе.

Хотя подробное обсуждение в следующих главах заканчивается завоеванием Сардиса Ахеменидами около 550 г. до Р. Х., краткий обзор ахеменидского и более позднего уровней в НоВ включен сюда для полноты картины. Заселение продолжалась в V и большей части IV веков до Р. Х, и постлидийские сооружения ясно свидетельствуют о возобновлении

[71] Согласно отчету Джудит Шеффер (Сардис M10, стр. 6, таблица 2), все, кроме одного, фрагменты раннего и среднего протокоринфского периода, найденные на Сардисе, представляют собой линейные котилы. Трудно провести различие между конкретными периодами, когда имеешь дело с небольшими фрагментами этих стилей, а не с целыми профилями. Котилы позднего протокоринфа представлены только двумя фрагментами (Sardis M10, кат. Кор 26 [Стр. 65.64] и Кор 37 [Стр. 87.82]), один из которых имеет чешуйчатый рисунок с добавлением красного (из другого сектора, Визфорта). Некоторые хронологические суждения Шеффера содержат даты, которые, по мнению Кэтлин Линч, слишком занижены по современным стандартам.

промышленного использования этого района. Большое здание C, крыша которого покрывала единственное замкнутое пространство (возможно, со стенами половинной высоты) размером 8×18 м, лучше всего интерпретировать как мастерскую или склад. Каменный круг, здания E и F, а также колодец рядом с F также использовались в этот период. В конце IV века колодец был частично засыпан, и территория была практически заброшена. Где-то в середине-конце III века колодец был полностью засыпан, и на протяжении всего эллинистического периода раскопанная территория НоВ'а, по-видимому, была пустырём, где люди разбивали лагерь, и скапливался мусор. Это место снова оставалось незанятым в поздний эллинистический и раннеримский периоды, во время которых были разграблены части здания C. Этот разрыв в заселении может быть объяснен ростом кладбищ в период позднего эллинизма и раннего Рима, которые располагались рядом с главной дорогой на севере и западе (см. рис. 2.4).

Более позднее строительство в пределах Лидийского жёлоба НоВ'а свелось лишь к прокладке более дюжины римских терракотовых водопроводных труб, имеющих общий поток с юга на север, а в некоторых случаях и с запада на восток. Одна большая группа труб проходила по восточному краю траншеи, а другая – по западному краю (см. рис. 2.3); могли ли они обозначать линии небольших римских улочек или путей? Нам очень повезло, что для прокладки труб не потребовалось рыть более глубокие траншеи, которые могли бы нарушить лидийские уровни VII века. Современную поверхность земли, не более чем на метр выше труб, можно было проследить, нанеся на карту плотно утрамбованные поверхности земли, найденные во время раскопок. Все, что они показывают, однако, это то, что район Лидийской впадины, по-видимому, представлял собой открытое пространство среди окружающих зданий в более поздние римские времена.

Вышележащие два метра позднеримской насыпи, смешанной с более ранними материалами, могут быть отнесены к промывке, которая была проведена под гору после упадка города в VII веке по Р. Х. или позже. В любом

случае, последние материалы в этой заливке свидетельствуют не о заселении Лидийской впадины НоВ, а скорее о заселении склонов выше, откуда, должно быть, и произошёл материал.

Краткое содержание

В оставшейся части I главы представлены свидетельства, которые как подтверждают описания, приведённые в этом введении, так и обосновывают общие выводы, сделанные о росте крупного городского центра. Начиная с позднего бронзового и раннего железного веков, находки из сектора НоВ проливают свет на ранние эпохи в Сардисе, зафиксированные в Лидийском жёлобе, за которыми следуют четыре периода лидийских поселений, с Лидийского IV по Лидийский I. Площадь раскопок НоВ'а велика и глубока; с одной стороны, здесь обнаружены богатые и показательные остатки лидийской жизни на Сардах, а с другой – множество незавершённых и интригующих архитектурных фрагментов, и артефактов без значимого контекста. Таким образом, в заключительной главе части I предлагается культурно-историческое обобщение, основанное на художественных и технологических связях находок.

В нижеследующем обсуждении мы представляем объекты и их контекст в соответствии с их уровнями, начиная с самого раннего, расположение, которое в общих чертах отражает развитие деятельности на этом участке, а не последовательность открытий; однако при глубоком зондировании мы отслеживаем уровни, обнаруженные при раскопках. Таким образом, глава 3 начинается с глубоких зондирований, которые потребовались для достижения ранних уровней, где в каждом разделе мы описываем стратиграфию от уровня разрушения (около *97,00) и далее вниз до уровня около *90,00, который представляет неизвестное время в позднем бронзовом веке (тринадцатый-двенадцатый века до Р. Х.).

Представленные здесь крупные и мелкие находки были отобраны из гораздо большего числа инвентаризированных объектов из этого сектора (и ещё большего числа тех, которые были выброшены или никогда не инвентаризировались), чтобы представить общую картину использования различных помещений и обеспечить общую хронологическую структуру для различных уровней использования сектора НоВ. В следующих пяти главах обсуждаются периоды от позднего бронзового века до середины VI века. Затем следует часть II с обсуждением находок с утеса Пактол; и, наконец, в части III тома представлен каталог находок НоВ и РС для иллюстрации и подтверждения наших утверждений, сопровождаемый вторым томом с таблицами, содержащими фотографии и рисунки каждого объекта.

Приложение

Монохромная керамика

Монохромная керамика эпохи ранней бронзы (3000-2000 гг. до Р. Х.). Анкара. Музей Анатолийских цивилизаций.

Монохромная посуда. 1800-1500 гг. до Р. Х. Милетский археологический музей

Оформление чёрным по красному (IX век)

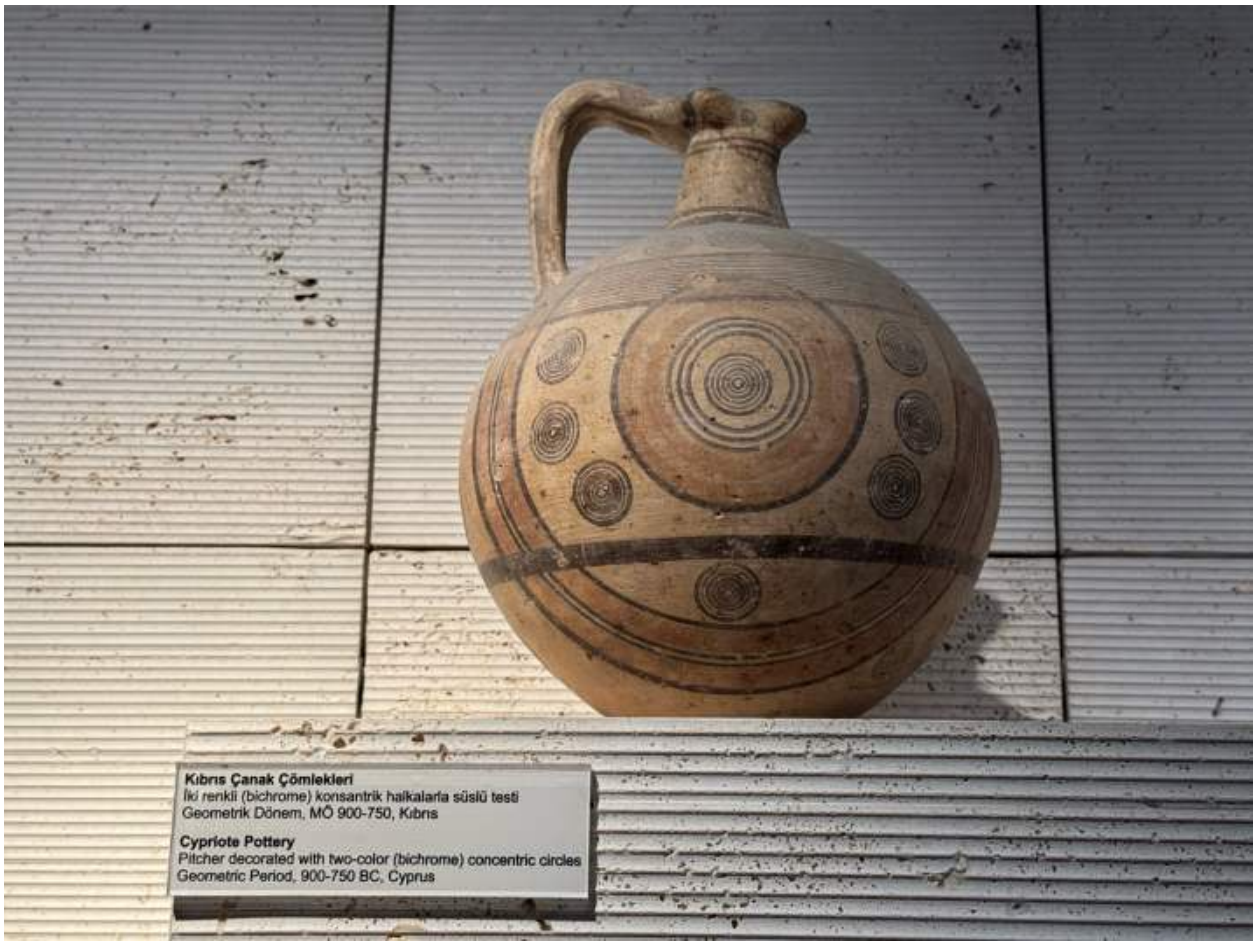

Музей Анатолийских цивилизаций. Анкара.

Бихромная керамика

Бихромная керамика с Кипра. Геометрический период (900-750 гг. до Р. Х.), Кипр. Археологический музей Анкары.

Ориентализирующий стиль

Крышка от сосуда. VI в. до Р. Х. Археологический музей Милета.

Посуда VI века до Р. Х. Стамбульский археологический музей.